

ПАРАЛЛЕЛЬ

Максим Дымов

Человек

из ада

КНИГА 2

Максим Дымов
Человек из Прибойя. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40651623

ISBN 9785449630339

Аннотация

Продолжение первой книги. Как далеко удастся зайти Гору на этот раз? Кто появится в отряде? Какие судьбоносные решения предстоит принять?.. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	5
Крепость древних богов	5
ГЛАВА 2	41
Во тьме	41
ГЛАВА 3	75
Подземелье карлика	75
ГЛАВА 4	120
Еличи	120
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Человек из Прибойя

Книга 2

Максим Дымов

© Максим Дымов, 2019

ISBN 978-5-4496-3033-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4496-3032-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Крепость древних богов

Тепло костра согревало, но места ударов стали болеть сильнее. Своды грота – жилища Свободы, были исписаны и исчерчены записями, рисунками, отрывками карт, разобрать которые мог только дед.

Свобода, занятый мыслями, сидел поближе к жаркому огню. Я и Тио рассматривали дар с небес: пластина была тонкой и очень гладкой, такую не сможет создать природа и не сможет выточить мастер; материал её был не известен нам; эту зелёную пластину украшали незнакомые нам символы и цифры, ровная чёрная полоса (магнитная лента).

Урумар и Ратибор не отводили суровых глаз от пленника, что был пойман в лесу. Пленником оказался Рой, земледелец. Он сидел в глубине грота, укутанный в шкуры, старые рваные одежды. Он в тревоге и страхе смотрел на нас. Тишина, только треск костра и грохот штормовых волн снаружи. Шторм был силён, вместе со снежинками в широкий проход залетали брызги и обрывки пены.

– Вор был новым человеком, – наконец заговорил Свобода. – Если мы скажем о том, что случилось, новым людям не будут доверять, им уже не будут так рады. Они могут уйти

или отделиться. Он не просто украл, он осквернил Кулака, он хотел большую власть. Тело нужно скрыть. Пусть шторыма заберут его. Когда снегопад утихнет, бросьте тело в море с западного угла Вороньей скалы, там волны бьются о скалы, там скальные стены и к воде нельзя подойти. Пусть все решат, что новый человек заблудился и замёрз в лесу.

– А... – хотел я взять слово, но дед жестом велел заткнуться.

– Что сказать о земледельце, – перешёл он к теме, которую я хотел поднять. – Я думаю, на нём лежит вина за осквернение великого...

– Это не я! – Вскочил он.

– Закрой свой рот, не говори враньё! – Я достал нож и указал его концом на пустой тёмный угол, повелевая сидеть там.

– Ты зол, Рой, в тебе обида, – продолжал дед. – Ты зол на Гора, но ещё ты зол на вождя Холмовья и решился сделать зло всем этим землям. Это ты рассказал человеку о Кулаке.

– Я просто поделился легендой, он хотел лучше знать традиции и культуру. Я встретил его на пути через холмы, он шёл один, мы говорили. Он попросил меня сказать о Кулаке больше, он слышал мало о Кулаке, он дал мне еду.

– Что ты делал в лесу? Ты наблюдал, – слова Урумара были строгими.

– Нет-нет! – Человека бросало в жар, он сбросил шапку. – У меня там недалеко моё место, где я прячусь. Я услышал бой и решил посмотреть.

– Мы там охотились с утра, – Урумар говорил, неотрывно смотря на человека, его глаза будто жгли земледельца, и тот не мог спокойно стоять, то хотел подойти, то вернуться в угол. – Мы обошли много этого леса, много. Там не было укрытий, снег был чист от следов человека, много палок для костра. Несколько дней до нас в том лесу не появлялся человек. Человек не птица, он всегда оставит след.

– Нужно убить его, пока ночь, и бросить со скалы вместе с вором, – так предложил Тио, и я поддержал его. Воины и дед не сказали слова противления.

Шум волн снаружи и тёплый пляс света огня на стенах грота приносили покой, но не земледельцу. Как загнанный в тупик зверь, он метался из угла в угол, пару раз бросался к выходу, но Урумар обломком копья загонял его обратно вглубь грота.

– Отпустите, я уйду из этих земель. Дождусь весны и уйду за ущелье.

– Скажи, ты видел то, что прилетело с небес? – сухо спросил дед.

– Оно и выдало меня!

– Боги злы на тебя, Кулак очень зол. Эти воины, – Свобода указал на нас, – они помогут тебе встретиться с богами и Кулаком, ты сам им всё объяснишь, в чём ты не виноват и как просто проходил мимо.

Мы встали, достав ножи. Человек руками строил невиди-

мую стену, хотел отгородиться, просил невнятно оставить его, отступал, хотя было некуда.

– Скажи, Рой, – спросил дед, но человек его не слышал, он слышал только свои мольбы. Дед бросил в него камень, заставив тем услышать себя. – Если ты выйдешь живым из этого места, что будешь делать?

– До весны буду жить в лесах и, если выживу, уйду с теплыми ветрами за ущелье. Никогда не вернусь в эти земли.

– Неправильно говоришь. Ты ничего не понял, ты тупой человек, – корил дед. – Зачем тебе жить, если ты не понимаешь сути дел и поступков?! Такой человек несёт много зла.

– Я жил, никого не трогал, растил овощи и зерно, пока не пришёл Гор и не увёл у меня дочь! Я хотел отдать её помощнику нашего шамана, была бы его женщиной. Он стал бы в будущие дни шаманом Холмовья, а она его женщиной.

– Ты не так туп, – заметил дед.

– Она поэтому и ушла со мной. Я её не звал. Она сбегала от тебя. Сейчас она – жена великого воителя, богатого и уважаемого человека. Я видел её, видел радость в её глазах. За это ты ненавидишь меня? Или ты зол, что она не поделится богатствами с тобой?

– Я не люблю долго говорить, – Ратибор был в нетерпении. – Давайте решение.

– Вот моё решение, – твёрдо сказал дед. – Утром вы бросите тело вора в море со скалы, как я сказал. В полдень мы выйдем в путь, если погода даст. Тебя, земледелец, мы при-

ведём в Холмовье, и тебя посадят в яму за оскорбление воина. Об остальном ты будешь молчать, знай, мы не увидим, но боги всё видят и слышат с небес. Когда пройдут твои дни в яме и если морозы не убьют тебя, ты будешь жить и испугать вину перед богами.

– Ты великий человек, Свобода...

Земледелец был рад оставленной ему жизни.

К утру небо разъяснилось. Мы отдали тело вора морю, но не ушли в путь, ведь нужно было вернуть перчатки Кулаку. Ратибор взял эту задачу себе, он хотел попросить Кулака о даре – вернуть ему здоровье и силу правой руки, которая пострадала в походе Мого. Урумар пошёл с ним и ничего не просил. Остальной наш отряд готовился к походу.

Мой отец ходил злой, но не на меня, а на Рота, моего брата. Рот собирал вещи и еду, но, как всегда, молчал, для чего он это делает. Отец боялся, что его второй сын тоже хочет уйти в поход на другие земли, а ведь Роту четырнадцать лет, и он ещё не прошёл испытание. Сам Рот ничего не говорил и на моих глазах не появился. Беда в том, что если Роту пришла в голову идея, он не отступит пока её не исполнит. Он никогда не бросал своих замыслов.

Я провёл время с Олли, она была опечалена тем, что я так быстро ухожу, но мои слова, что сами боги призвали меня, поселили в ней большое уважение ко мне и надежду. Утром следующего дня мы вышли в путь своим отрядом, Антонэ

решил не оставаться и идти с нами. Но в нашем отряде появился ещё человек...

В Туманья мы пополнили запасы еды и воды. Ясное морозное утро обещало нам красивый и спокойный путь.

– У здешнего шамана нет соли. Ничего, мороз крепкий, мясо не испортится, – Боромир возвращался от хижины шамана с пустыми руками.

Боромир – сын травника, он стал новым человеком нашего отряда. Мужчина двадцати лет, невысокий, не сложен, как воин. Длинные светло-русые локоны лежали на голове с внимательными глазами, будто всегда ищущими что-то. Боромир был искусным стрелком. Его блочный арбалет, каких не было даже у стражи, в его руках становился очень сильным оружием. Этот чёрный «Бес», как называл его сам Боромир, не давал деду спокойно спать. Ещё Боромир был хорошим охотником и разбирался в травах. Но этот человек не был вынослив, и биться он не умел, Арья не уставала ему напоминать об этом, да и вообще не отходила от него.

– Нет, значит нет. Собрались? Идём, – Дед торопился, боялся, что лёд на реке растает и мы потеряем год.

Мы набросили уставшие от времени и походов плащи поверх рюкзаков, не удобно, но всё же теплее, и отправились в путь. Дед нёс в руках арбалет, что сделал за время, пока мы были в родных землях. Нёс в руках потому, что под плащом он мешал.

Люди Туманья провожали нас...

– Подождите! Вы кого-то забыли, – голос из деревни заставил нас остановиться. – Кто-то из ваших идёт!

Мы посмотрели друг на друга – Я, Тио, Ратибор, Урумар, Дед, Арья, Боромир, Антонэ... все тут.

С холма к нам спускался человек, это был Рот. Большой плащ-палатка был на нём, что-то скрывал так, что Рот был похож на очень большой муравейник с лохматой головой. Брат... вот чего боялся отец. Я стал подбирать слова, хоть и знал, чем окончится разговор. Рот редко принимает свои решения, но если он решил, он не считается ни с чьим мнением и делает свое.

– Я иду с вами, – заявил он, подойдя к отряду, и продолжил идти.

– Стой, – велел я. – Нельзя так делать. Зачем ты бросил отца? У него больше нет никого, кто будет помогать? Тебе не пришёл год, ты ещё не мужчина и не можешь идти в поход. Уходи домой!

– Я иду с вами, – остановившись, холодно повторил он.

– Нельзя. Я твой старший брат, и я сказал тебе идти домой!

– Я иду с вами, – с каждым холодным словом он делал шаг мне навстречу.

Я знал этот сигнал. Рот говорит своё решение три раза. В детстве я возразил после третьего раза и получил камнем

в лоб. До сих пор шрам не ушёл.

Я промолчал. Рот скинул плащ... с плеч его свисали две овечьи туши головами вниз.

– Кровь я спустил, разделаю на привале.

– Это наши? – забеспокоился один из жителей Туманья и побежал проверять хлев.

– Это не ваши, они паслись в лесу далеко отсюда. Идём, мы торопимся.

– Стойте, – остановил вождь. – Пусть скотник вернётся и скажет.

Ждать пришлось недолго, человек вернулся и сказал, что все животные на месте. Мы продолжили путь. Прогонять Рота не рискнул даже Свобода, тот не изменил бы решение, а наживать врага в отряде дед не хотел.

– Сколько ему лет? – шёпотом спросила у меня Арья.

– Один десяток и четыре года.

– А ведь суровый муж! Хорош, посмотрю за ним повнимательнее.

– Не бери его вещи и не касайся его, никак, он этого не любит.

В пути нас не накрыл снегопад, и слой снега под ногами был совсем не глубоким. Наст был плотным в долинах, и мы могли быстро идти, хотя следов зверя плотный снег не хранил и мы не могли охотиться по пути.

Монет у нас не было, спешка не давала нигде задержать-

ся, чтобы выиграть или заработать их. Еды осталось совсем мало, мы начали голодать. Охота в землях варваров или Ом-эй-Гата трудна – зверя мало, мы не могли задерживаться.

Внимание Арьи ушло от Боромира и пришло к Роту. Стрелок вздохнул с облегчением, а молчаливому Роту было всё равно. Он не отвечал на её слов, чем ещё больше восхищал воительницу.

Старость деда стала заметна этой зимой: он стал больше уставать; подолгу грел руки и ноги у огня; натирал их какой-то мазью, жир он берёт для еды; несколько ночей он не мог уснуть, и это не из-за «Беса» Боромира; болела нога, и он был зол, ворчал.

Полная луна позволила нам идти ночью. Мы добрались до крутого берега реки до восхода солнца. Пока мы грелись у маленького костерка, доедая последние лепёшки из хлеба, Урумар вызвался пройти вдоль берега и поискать место для переправы. В зоне видимости лёд был тонким, и по центру русла его вовсе не было.

Клич отразился от тонких бурых ветвей молодого леса по обе стороны неширокой реки.

– За поворотом есть переход! – голос Урумара звучал с пригорка выше по течению.

– Тушите огонь и пойдём. Длинноногий Урумар, не мог дальше искать, – забормотал дед, накидывая рваный плащ и надев шапку из шакала.

Берег был крут и обледенел. Переправой служили несколько небольших деревьев, перегородивших русло на крутом повороте. Тёмная вода в их ветвях не замёрзла, она плавно текла и закручивала в водоворот мелкие льдины.

– Ты не нашёл место лучше? – Свобода был не доволен, переход по корягам с десятками тонких колючих веток его не радовал.

– Свобода, тут можно перейти. Лучше дерево, чем лёд, – говорил Урумар.

Рот не стал ждать нас, как и в другие разы за дни похода, он стал переходить. Несмотря на своё крупное тело и тяжёлый рюкзак, он перешёл быстро и не сломал ни одной ветки.

– Понятно, – буркнул дед и стал переходить.

Ратибор шёл за мной, осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Дерево не было сухим, оно гнулось, но не издавало хруста.

– Стойте, что это?.. – Боромир, стоявший на противоположном берегу, замер и прислушался.

Я и Ратибор замерли на переправе. Тихая вода не мешала слушать. Что-то большое двигалось далеко в лесу выше по течению, оно издавало железный стук и гул. Вдруг – громкий вой, согнавший птиц с деревьев. Не то вой, не то рёв заставляли кровь в теле бежать быстрее, да и ноги хотели бежать!

Ратибор от испуга упал в воду и с головой ушёл в неё.

Не успели мы сообразить, что случилось, как он встал на ноги. Хорошо, что упал ниже по течению от переправы, иначе затянуло бы под брёвна. Он выбрался на противоположный берег.

– Звук оттуда. Боромир, бери в прицел ту сторону! – Дед взял на себя командование. Он скинул плащ и снял с плеча арбалет. – Урумар, копьё, и смотри внимательно! Арья, Тио, вперёд, не подпускайте его сюда и под выстрел не попадите! Ратибор, сюда встань, готовься биться. Остальные, с ближних деревьев соберите сушь, нужен огонь, Ратибора греть. Где Рот? Рот!..

Полосы света и тени, мерцаая, мешали мне видеть, но я всё равно бежал. Мои щит и топор были готовы биться.

– Рот! – звал я и пытался в серых зарослях молодняка разглядеть силуэт брата.

Я услышал свист. На невысоком пригорке без деревьев стоял Рот.

– Сын шакальей суки, куда убежал?! – Я был зол и хотел ударить его.

Спотыкаясь и скользя, я поднялся на пригорок и осуществил желаемое – ударил брата щитом в плечо. Тот едва не упал, но никак не ответил, только показал пальцем куда-то.

Серо-бурая кудрявая щетина леса была прорезана железной полосой, что отражала свет холодного солнца в утренней

дымке.

– Что это? – спросил я.

Рот не знал ответа и потому не отвечал. Нам была видна лишь часть полосы.

– Пойдём в отряд, вместе узнаем, что там.

Я сделал шаг назад, как моя нога провалилась под снег и я чуть не упал в провал. Рот удержал меня за руку. С молчаливым интересом мы очистили края провала от снега и мёртвых трав. Это была квадратная яма с ровными каменными (бетонными) стенами. Яма уходила в загадочную темноту, брошенная ветка едва слышно упала на твёрдую поверхность.

– У, – послал я звук в неизвестное, звук вернулся, сказав, что там большая пустота.

Наш лагерь был разбит у перехода. Удача нам улыбнулась, и Боромир смог добыть уток, не уходя далеко в чужие земли. Утки воняли незнакомым запахом, таким же, как не замёрзшее озерцо неподалёку. Есть хотелось сильно, и запах не помешал нам.

Ночь прошла тихо, но спалось нам плохо. Страх перед ревушим монстром мешал уснуть и каждый шорох выдавал за опасность.

Утром мы направились в сторону железной полосы, нужно было исследовать новые земли и добраться до живой горы. Нужно было успеть до того, как лёд на реке растает и во-

да снова поднимется. На это у нас было около двадцати дней, но тепло может прийти раньше.

Мы шли, внимательно вглядываясь в каждый куст, вслушиваясь в шорох падающего с веток снега, высматривали в хмуром небе чудовищ, но ничего необычного не происходило. С виду это был обычный молодой лес с низкими тонкими деревьями, мешающими быстро идти. То, что ничего не происходило, усиливало ожидание необычного и страшного.

Мы вышли к странному месту. Это были две железные полосы, лежащие на многих десятках толстых балок (железная дорога). Железным полосам не было видно конца. Хоть они не были высокими, снег их не накрывал. Подойти к полосам мешала стена из железной сети с витками ржавой колючей нити по верху. Проходов в стене не было, и она шла вместе с полосами далеко, насколько мы могли видеть. На ширине нескольких шагов от стены не росли деревья, только сухая трава по пояс торчала из снега.

Дед огляделся, стал осторожно подходить к сети. Когда до неё оставался шаг, пронзительный страшный звук врезался нам в уши и красные точки замигали по верху сети (сигнализация). Дед в ужасе отпрыгнул от этой странной стены.

– Бегом! – скомандовал он и побежал в лес.

Не обращая внимание на боль от хлещущих по лицу веток, мы забежали в лес и скрылись в овраге. Моё сердце би-

лось, как у воробья, кровь шумела в ушах. Я не мог унять дрожь. Все были напуганы, даже Арья и Рот бормотали ругательства дрожащими губами. И только странный Антонэ улыбался и сдерживался, чтобы не смеяться.

– Говори, змий! Что ты знаешь, гнида?! – Я бросился на него с кулаками. – Признавайся, демон, куда ты нас ведёшь?!

Дед и Урумар оттащили меня.

– Я вас никуда не веду. Я просто иду с вами, я даже в обсуждении маршрута не участвую.

– Хитрый Антонэ опять странно говорит! Почему смеёшься, демон?

– Боюсь я! Кто-то от страха смеётся, а кто-то плачет, – он посмотрел на Арию, чьи глаза были мокрыми. Зря...

– Вон, видите, сеть растянута между столбов, а на столбах коробка, – шёпотом говорил Тио.

Мы осторожно выглядывали из оврага.

– Чёрные коробка, вон, – продолжал Тио. – Я думаю, оно живёт в них и охраняет.

Антонэ сидел на дне оврага, прикладывая снег к правому глазу, на разбитой губе его застыла кровь.

– Нужно извиниться перед духом, – рассудил дед. – Идём, оставьте оружие тут и пошли.

– Я останусь, – заявил Антонэ. – Прикрою вас, вдруг что. Боромир, я возьму твой арбалет.

Осторожно подступая к стене из железной сети, мы показывали безоружные руки и не отрывали глаз от маленьких коробов на столбах.

– Хозяин этого места, – обратился дед, выйдя немного вперёд остальных. – Мы не несём злых мыслей или желаний. Позволь нам увидеть чудеса твоих земель. Не карай и не злись. Что ты хочешь взамен на твою доброту к нам? – Тишина, только ветер качает тонкие деревья. – Скажи, дай знак.

– Он вам не ответит, – женский голос со спины заставил всех подпрыгнуть от неожиданности.

За нами стоял человек в толстых мягких одеждах, перепачканных какой-то чернотой (мазут). Одежды человека были старыми на вид, но ничего похожего мы не видели даже в Омэй-Гате, никто там не носил таких (ватные штаны и фуфайка). Из-под шапки из ткани на спину падали седые волосы. На лбу была странная маска, похожая на глаза (очки пилота, защищающие глаза от ветра и яркого солнца). Тупой Антонэ, почему он не стрелял?!

– Он вам не ответит и с ним нельзя договориться. Он убивает всякого, кто коснётся сети.

– Кто он? – Интерес ребёнка был в словах нашего старика.

– Ток. Неумолимый страж. Это энергия, она неразумна. Она стережёт дорогу большой машины.

– Ток, это он, или она? – не поняла Арья.

– Он. Сейчас будет идти машина. Я каждый день пытаюсь разглядеть машиниста, но кабина пуста. Вон он. Отойдите...

Железный червь, великое чудовище с шумом и ветром неслось мимо нас. Похожее на то, что в пещере неподалёку от Туманья, оно ехало! Страшная красная голова с пустыми глазами и ржавой острой бородой тянула за собой хвост, похожий на позвоночник (товарный поезд с ножом для расчистки путей). Рёв и вой, как и вчера, оглушили наши уши. Земля дрожала от железного стука. Все мы с большим усилием стояли на месте, изо всех сил борясь с желанием бежать. От страха ноги заставляли меня сесть, ближе к земле я чувствовал себя в большей безопасности.

Оно уехало, а мы смотрели вслед, не решаясь сделать шаг.

– Точно, в нём нет машиниста, – спокойно сказала женщина. Немного подумав, она добавила не то серьёзно, не то шутя, – мёртвый. Как и говорят. Не может же он сам по себе ехать.

Она посмотрела на нас, улыбнулась: «Перебрались всё же через реку. Хотите, пойдём со мной, расскажу, что тут и как. Сами вы и трёх дней не проживёте. Свалитесь куда или наступите на „след“. Пойдём»...

Наши тела всё ещё будоражили испуг и полное непонимание возможности произошедшего. Шум и ветер этого явления перевернули мою голову. Я шёл в опасении – не вста-

нут ли эти деревья? Не разверзнется ли железная пасть под снегами? Не огласит ли чудовищный рокот эти земли сейчас?!

Привычный на вид лес стал далёк и не понятен мне. Я смотрел на ствол дерева и не мог понять его сути, так железный червь сломал мой ум.

Баба Нэа, так звали старуху, вела нас молча, лицо её было покрыто улыбкой насмешки, ибо мы для неё слепы и глупы.

Мы вошли в деревню, не защищённую стеной. Дома в деревне были квадратными, с крышами треугольными и в форме пирамиды, а покрыты крыши были волнистым материалом (шифер). Улицы деревни были прямыми и широкими. Дворы владельцев этих домов были огорожены со всех сторон невысокими стенами из железных сетей или досок, почти скрывшихся в мёртвой колючей траве. У каждого дома за забором ближе к дороге стоял деревянный столб, а по верху от столба к столбу тянулись чёрные верёвки (провода). На некоторых столбах были ржавые короба. Я теперь боялся коробов, что за дух живёт в каждом из них?! Только не издавай свой звонкий рёв...

– В этих домах никто не живёт, – заговорила старуха. – Большие люди бросили город и эти деревни, когда зло смогло разрушить стену их крепости. Уж как седьмой год пошёл, как они ушли. Следы цивилизации заносит снегом и землёй.

– Куда они ушли? К себе в небо? – спросил дед. Нэа сме-

ялась.

– О... нет, хрен там! Они ушли на северо-запад, за реку, что зовут Канал, за синие леса. За Канал никого не пустят, его хорошо охраняют, убивают всякого, кто хочет уйти из этого места. Оттуда сюда пропускают, но обратно – нет. Хватило мне ума прийти сюда вслед за своими сынами, от зверя бежали...

Мы свернули на другую улицу и остановились в страхе. Приготовив оружие к бою, мы встали стеной, осторожно отступили назад. На укрытой снегом дороге лежали две полосы – следы от колёс, от колёс широких, со злым острым рисунком (протектор). Следов лошадей или другого скота, что могло тянуть колёса, не было, были только следы старухи с красивым узором от подошвы.

Мы смотрели то в одну сторону, то в другую, того, что оставило следы, мы не видели.

– Машина проехала три дня назад, – слова старухи были полны уверенного покоя, и с ним было немного всё той же усмешки. – Пойдём-пойдём, дикарики мои. Три дома пройти осталось.

Я представил себе большую повозку из ржавого железа, с торчащими из неё костяными шипами, охваченную огнём. На повозке этой, в моём диком воображении, сидел всемогущий бог Ток, всегда разный, но всегда ужасный.

Я не стал убирать оружие, никто не стал.

Мы вошли во владения старухи, двор её дома. Во дворе был источник воды (колодец), умна и запаслива старая женщина. Спящий зимним сном виноград оплетал деревянный навес. Но всё это обычное... поодаль от дома стояло пустое тело из железа, раскрытой пастью встретило оно нас (выгоревший остов легкового автомобиля). Пасть его была полна земли.

– Это мой цветник, – Нэа указывала на железяку, что пугала нас, и говорила с любовью и теплом. – Я в нём цветы выращиваю, красивый он летом, не как сейчас. У! Железяка! – Погрозила она ему, как цепному псу, – Не пугай гостей.

Старая женщина встала на пороге своего дома, не открывая крашенную синей краской деревянную дверь. Она заговорила как хозяйка и старая мать: «Так, дикарики мои. Давайте с вами договариваться – живёте у меня несколько дней, помогаете в хозяйстве. Я вас накормлю и укрою в своём доме, расскажу, что и как устроено у нас. Но чтобы не ленились, бабуле нужна помощь».

– Хорошо, старая, проси, – вызвался Ратибор, как и всегда, без уважения в словах.

– Для начала идите в соседний двор, отломайте окна и двери в доме, выньте доски с полу, будем печь топить. Тот дом рушится и не дождёт новых хозяев, а так мне польза будет.

Старуха указала на дом через дорогу, белые стены которо-

го осыпались, обнажая рыхлую глину и деревянные его кости. Старое ветвистое дерево с большим дуплом грозно стояло у входа во двор. Хранитель того дома. Мы осторожно стали переходить дорогу, боясь и хранителя дома, и того, что оставило следы на дороге три дня назад.

– Ау! – Оклик Нэа перепугал нас до крику.

Мы хотели бежать в стороны, но чувство отряда и боевого братства без слов сомкнуло нас в кольцо, плечом к плечу, заставило вместе стоять в обороне.

Старуха залилась смехом, добрым смехом. Она махнула нам рукой и велела идти, а сама ушла в свой дом, смеясь...

Когда мы отламывали дверь на входе и выбивали оконные рамы снаружи внутрь, мы немного привыкли к этому загадочному для нас месту. Войти внутрь мы решили не сразу, Урумар опасался духа этого дома.

Хруст белой земли (штукатурки) под ногами был одним звуком в этом холодном доме. Тут не было уюта. Несколько зим не было хозяина у этих стен, и они стали осыпаться от холода и дождей. Мы осторожно прошли в центр дома, где печь встретила нас открытым чёрным ртом. А со стен на нас смотрели лики незнакомых нам людей (фотографии). Стол покрыт пылью и мёртвыми мухами. Мышиный помёт и паутина были везде, куда ни обрати взор. Тонкий запах в холодном воздухе был запахом сырых досок и земли.

Возглас Арьи из соседней комнаты испугал нас, но все мы

поспешили туда. Наше оружие было готово к бою.

Арья крепко держала топор. Перед ней стоял большой прочный ящик (шкаф). Закрытый, он нагонял в наши головы страшные догадки – чего в нём испугалась воительница?

– В ящике кто-то есть, – сказала она. – Выходи!

Ответа не было.

– Выходи! – приказывал Ратибор.

В ящике было тихо. Оно, нечто, даже не шевелилось.

– Боромир, стреляй, твои стрелы пробьют это дерево.

Боромир прицелился, хотя до ящика был один шаг. Выпущенный болт пробил дверцу и утонул в ней. В ящике что-то разбилось.

Антонэ с улыбкой и без тени страха на лице открыл ящик. Внутри никого не было, только осколки какого-то стекла. Антонэ взял один из осколков и посмеялся: «Вы убили зеркало!» Кто такой зеркало и где он?!

Антонэ не стал ничего объяснять и вышел на улицу.

Я прошёл следом за Ротом в дальнюю комнату. Похоже, хозяйева хранили одежду в ней, судя по скомканным заплесневелым тканям на низком деревянном столе (кровати). Не совсем было понятно, для чего эта комната, она большая для кладовой (спальня).

Рот без страха осматривал мебель в этой комнате, открывал ящики. Он вздрогнул и отошёл от одного из них.

– Гор, – он указывал пальцем на находку (то, что лежало

в ящике комода).

Это была маска. Страшное лицо с большими чёрными круглыми глазами и чёрной плотной сеткой у рта. У маски были щупальца, как у морской твари, они должны были держать её на лице носящего. Маска была создана из непонятного на вид тёмно-рыжего материала, будто дерева, но мягкого и пластичного.

– Я возьму её себе.

Слова Рота пробудили во мне первобытный страх чего-то не известного. В наших краях очень серьёзно относились к маскам и куклам, они были занятием шаманов.

– Не бери это!

– Она просит меня, – эти слова затуманили мой разум. Страшный вид маски в брошенном доме и слова о том, что она просит...

Рот взял маску в руки.

– Дед! – позвал я, отступая.

Поздно. Рот без эмоций, как и всегда, надел маску на своё лицо. Маска крепко села. Страшен был вид брата в ней.

Отряд столпился в проходе комнаты. Требования снять маску Рот не слушал, он неподвижно стоял в ней, смотря сквозь чёрные глаза маски, за которыми не было видно глаз его собственных. Он пошёл к нам, ничего не говоря.

В панике мы выбежали из дома. На лице деда был страх. Страх был даже на лице Урумара, но ещё на его лице был

вопрос – убить Рота в случае чего? Этот вопрос я понял, когда воин достал копьё из-за спины и выставил его остриём на пути молчаливого Рота.

Антонэ подбежал к нам откуда-то со стороны. В глазах этого человека не было подлинного страха при встрече с железным червём, но теперь он занервничал и не смотрел на маску, старался смотреть ниже или мимо неё. Я старался наблюдать за Антонэ, но и от Рота не отводить своё внимание.

Рот указывал пальцем на Антонэ и говорил, двигался его подбородок, но слов мы не слышали. А вот Антонэ, похоже, слышал слова. Кажется, Рот что-то требовал.

– Да... оно стало говорить со мной два дня назад, – с этими словами Антонэ взял в одном из многих карманов на своей одежде то, что я однажды уже видел у него – плоский чёрный камень, такой гладкий и чистый, что в нём можно было видеть отражение.

Он держал камень в ладони: «Один из богов отозвался и стал говорить со мной, он сказал...»

– Я слышал его слова богу, – неожиданно чистым стал голос Рота, он не летел от его уст к нашим ушам, он стал сразу в наших головах. – Ты требовал у него монет, бросить их на твоё карта. Я вижу свет и дымы возле каждого человека здесь, я вижу течения чего-то в воздухе и родник этому течению – то, что ты держишь в своей руке.

Рот стал снимать маску, но та сидела крепко, вцепившись

щупальцами. Рот что-то сказал, мы не услышали его слова, и маска разжала щупальца и отпустила лицо.

– Я много увидел через её глаза, – лицо брата было в восторженном удивлении, очень редком для него.

– Дикарики мои! – окликнула Нэа нас с дороги, подходя ко двору. – Вы несёте дрова? Что это у вас?

Рот радостно поднял над головой свою находку.

– Ой, святые отцы! – Она сделала странный жест, наридовав в воздухе перекрестье. – Ведьмаки... и тут они были. Сынок, лучше положи, где взял. Ведьмачьи игры до добра не доведут, оставь её.

– Она моё. Она много показывает мне, даёт слушать.

– Ой, бедный... ты только в дом мой её не занеси, проклятую. За двором спрячь, а в дом не носи. Домовой дух зол будет, бед наделает. Не нёс чтобы в дом её! Думала, спаслась, так нет, лайоны да нечисть прочая везде!

Причитая, она ушла в свой дом, рисуя странное перекрестье на груди.

Первый раз за много дней не нас слушали люди в удивлении, а мы. Старуха много говорила, повторялась, но повторения были интересны.

Тем вечером мы отдыхали в её доме. В печи горел огонь, тепло потрескивая. Свет дарил стеклянный сосуд с огнём внутри (керосиновая лампа), притягивал глаза и руки её свет. В темноте главной комнаты, что звалась кухней, хоть

и было мало света, но там был уют. Связки трав и чеснока под низким потолком пахли. За мутным окном ложились сушки, и только снег, что стал синим, позволял видеть.

Рот вышел на улицу, опять. Он часто выходил, проверял тайник с маской. Вместе с ним вышел и Антонэ.

Я слушал длинные слова Нэа, всматриваясь в каждую тень на стенах и полу, высматривал того, кого она звала домовым духом. Старуха сказала, что привезла его сюда из родных краёв, тех, что за рекой Канал.

Рот вернулся, а вот Антоне – нет.

Не советуясь с нашим интересом, Свобода попросил старую женщину говорить не о духах и колдунах далёких земель, а сказать о том, что мы увидим скоро в этих землях. Боромиру было больше остальных интересно слушать о нечисти и тайнах, что есть в синем лесу и в землях за Каналом.

Нэа поставила на стол горшок с кашей, старое сало, большую бутылку с мутной водой и миску квашеной капусты. Пир для усталых путников.

– Самогон, сама делала. Вы такого не пили, – слова Нэа были тёплыми.

Она разлила самогон в наши походные кружки, крепкий запах сразу проник в наш дух, снял с него мокрые сапоги и плащ, обогрел. Ратибор улыбался доброй улыбкой.

– Где ещё один? – спросила Нэа. – Учёный, чи кто его там?

– Учёный муж ушёл, – ответил Рот. – Он пойдёт в Ом-

эй-Гат. Он не будет с нами.

– Почему он ушёл? В ночь, не спросив совета... странный Антонэ, – Урумар был недоволен, не то самим уходом учёного мужа, не то тем, как тихо он ушёл.

– Он сказал мне, что уйдёт обратно, что видит злые вопросы к нему, – Свобода, как и всегда, сказал неожиданные слова.

– Почему нам не сказал? Мы отряд, и все должны знать всё, что в нём случается, – теперь Урумар был зол.

– А вы и не спрашивали, – эта фраза деда значила, что старый Свобода возвращается. Уж лучше он, чем злой ворчливый старик. – Давайте выпьем за хороший путь для Антонэ, пусть снега не накроют его; пусть зверь не убьёт; пусть случайный спутник не обворует; и солнце пусть согреет его день, как жаркий костёр согреет его ночь.

– Мне глотку зельем не заткнёшь, старик! – Он разом осушил кружку, поморщился, закусил салом. – Крепка... хорошо, и слова ты хорошие сказал. Говори чаще. Отряд должен знать, что в нём делается.

Мокрый снег тяжело падал с ночного неба. В доме у печи было тепло. На спальном месте хозяйки, что было в нише на печи, лежал чёрный кот и жёлтыми глазами смотрел на сидящих за столом, да шевелил белыми усами. Чихал иногда, наверное, от запаха самогона.

Нэа рассказала нам, что почти вся жизнь этих небольших

земель собрана у крепости древних богов, у стен её и в них самих. Люди, что живут там, несколько лет назад пришли из-за Канала и из земель Омэй-Гата. Да, из них тоже. Они пришли и остались. Эти люди зовут себя сборщиками. Они заняты тем, что собирают ценные металлы. Я узнал, что не всё железо зовётся железом – сталь, медь, олово, цинк, свинец и много ещё. Всё это люди добывают в руинах крепости. Ещё приезжают воины на больших колесницах без лошадей, они отвозят что-то в проклятое место, называемое могильником, а на обратном пути покупают ценные металлы и предметы.

Но это не всё... сборщики строят печь для вызова Тока! Так им велели другие люди. Они сказали, что Ток сможет оживить многие машины и механизмы, что остались в крепости.

Слова о силе, что даст жизнь металлу, поселили в нас тревогу – не будет ли металл, машины, делать зло людям?!

Мы пили крепкий самогон. За окном падал снег. Огонь бойко трещал в печи и дразнился языком из открытого её рта. Худой чёрный кот стерёг мышь в тёмном углу. Не суждено ему было выждать грызуна этой ночью, ибо Ратибор взялся петь.

Когда воин выпьет, он не скрывает свою душу, и Ратибор был таким. Он пел, пел красиво, искренне. Ещё в Омэй-Гате я заметил его любовь к пению. Он уже не хвалился подвигами, как раньше, он больше стал говорить о своих мыслях

и людях, которых встречал. Он стал больше говорить с бардами, желал знать новые песни и легенды.

Дед и Нэа просидели до рассвета, остальную крепкая вода уложила спать у печи. Тёплым и мягким был наш сон, хоть пол под нами не был устлан шкурами. Мне снились танцующие тени бесов с медными костями; духи; живые механизмы со многими ртами и глазами, их слова превращались в волны, а волны неслись ко мне железным червём; железные животные механическими ртами пели песни Ратибора, а всемогущий многоликий Ток под эти песни из ржавчины и тлена лепил мир и за тем рушил его.

Ооо... мой улыбчивый читатель, в каком психоделическом плясе мой древний разум закрутил новую информацию, тебе остаётся только представить. Смело напряги своё цивилизованное воображение, уверяю, ты не переборщишь. Только изумлённый, как дитя, дикарь в пьяном сне может увидеть подобное. Для тебя я лишь забавный человечек, которого посадили в коробку и назвали её миром, или того хуже – я для тебя лишь порядок букв на бумаге, составляющий слова, но я живой! Как ярко я видел мир и как быстро убегал от него во сне той ночью... пусть подобное переживёшь и ты, с добром желаю я тебе...

Весь следующий день мы провели, помогая старухе – ремонт крыши и забора, подпереть не толстыми брёвнами стену склада (сарая), принести и нарубить дров. Сама старуха

поменяла подстилку у кур да приготовила еду. Она много ругала нас и говорила, что наши руки не из того места растут, и я никак не мог понять, почему. У нас руки оттуда же, откуда и у всех, но старуха твердила, что растут они у нас из жопы, и в этом её было не переубедить.

Рано утром следующего дня мы вышли в путь, старуха обещала привести нас к крепости, а сама обменять там самогон на еду и подобрать какую-нибудь собачонку, чтобы жилось веселее.

По левую руку от нас стоял серый лес, а по правую тянулся путь железного червя, отгороженный стеной из железной сети. Мы шли по свежему снегу и тянули за собой длинный короб на полозьях, Нэа сидела на коробе и рассказывала короткие смешные истории (анекдоты). Многие истории были неприличные, так что не буду их вспоминать на бумаге, а остальные я не запомнил. Никогда не думал, что старая женщина может знать столько ругательств и говорить такие вещи, что иногда смущали даже Ратибора.

Тяжело дыша, мы вышли из низины на пригорок. Мы решили, что наши глаза обманывают нас – дом, большой, как гора. Это была крепость древних богов. Её гладкие стены поднимались высоко над лесом. Лес в сравнении с ней казался низкой травой в сравнении с домом. Над крепостью поднимались высокие трубы, смотрели в холодное ясное небо. Все стены крепости были немного наклонены внутрь. Ок-

на были только под самой крышей, тянулись непрерывной длинной полосой. Восточная часть крепости была сильно разрушена. В зияющей ране этого дома были видны слои, это были этажи. Через пробоину я насчитал больше трёх десятков этажей, ещё пара десятков должна была скрываться за уцелевшими стенами.

Мимо нас проходили деревья, столбы, разрушенные стены домов, а крепость не спешила подходить, так велика она была. Крепость накрывала собой столько земли, что весь Ом-эй-Гат мог стоять под её крышей.

Мы вошли в город. Он был сильно разрушен, во многие дома нельзя было войти. На дорогах стояло много непонятных железных штук. Их железо было ржавым и дырявым, видно, огонь испортил его когда-то. Слой снега скрывал остатки колёс, и мы не сразу поняли, что это могло ездить. Нэа сказала, что это – автомашины, и шесть лет назад они возили людей, но Легион напал с неба, разрушил крепость, и этот город, машины уже не смогут возить.

– А это, дикарики, – она указывала на железную громаду, похожую на жука, – это машина солдат Альянса. Альянс – люди... наши, если что. У них много таких, вон, с пушкой есть.

– Они в неё смотрели и видели врага, – сказал дед, считая, что угадал и умён.

– Они из неё стреляли, мудрец, – старуха сошла с короба

и надела на глаза свою странную маску (очки пилота), – снег слепит. Да, дикарики, воинов Альянса вы не возьмёте копьями и дубинами. Их оружие одним ударом сжигает город. Вот уже триста шестой год новой эры, триста шестой год война Альянса с Легионом. Народу на земле так мало, что много пустого места. Вот вы жили себе в лесу у моря и не знали о войне, и таких мест, как ваша Прибойя, очень много по земле. Говорят, раньше было не так. Говорят, что людей было так много... миллиарды. Эх, сказочники... не было такого никогда, числа даже такого нет. Говорят, что машины были и до нашей эры. Сказочники...

С рассказом Нэа мы подошли к большой площади. Посреди площади на высоких ступенях стояла странная фигура из камня – два человека с двух сторон наклоняют котёл, а из него что-то льётся. Эти люди были гиганты, как три Урумара в высоту.

– Это монумент сталеварам.

– Гиганты, – удивлялся дед.

Нэа смеялась: «Ой, дикарики... пойдём на рынок, вон он».

Рынок стоял на дальней стороне площади. Старуха всё смеялась над нами, когда мы с любопытством и страхом осматривали монумент.

– Могучие сыны богов, – удивлялись мы, – понятно, почему их дома такие большие. Гиганты!

Старуха смеялась...

Рынок этого места был таков – два ряда хлипких деревянных навесов, сколоченных из старых досок и железа; по соседству продавались железные детали механизмов и маленькие куски плохо выглядевшего мяса; сосуды с какими-то жидкостями и чаши со смесями. Ничего похожего на рынке Омэй-Гата я не видел. Торговцы были одеты тепло на вид, их одежды будто набиты пухом. Головы людей тоже укутаны в шарфы и шапки. Рядом с ними наши одежды выглядели грубыми и холодными, такими они и были.

Боромир и Урумар оживились, но не смеси и странные детали интересовали их.

– Скажи, где продают оружие, – обратился Урумар к проходящему мимо человеку.

– Новые люди пришли... – Он смотрел на нас, почёсывая бритый подбородок. – Надолго вы к нам?

– Несколько дней. Мы торопимся.

– Понимаю. Вон ворота крепости. Пройдёте в них и увидите кузницу. Кузнец продаёт оружие, ещё тёпленькое, так сказать, – человек оценивающе смотрел на арбалет Боромира. – А если вам интересно оружие более... необычное, серьёзное, у нас есть мастер оружейных дел. Спросите кузнеца, и он вам скажет. У меня дела, не могу говорить. Зайдите вечером в Харч, я буду там, за пиво и табак многое расскажу.

Человек пошёл дальше.

– Свобода, мы с Урумаром пойдём к кузнецу, посмотрим,

что есть интересного у этих людей, – Боромир был охвачен интересом.

– Я с ними, – предупредил я.

Арья тоже решила идти с нами. Молчаливой поддержки Рота не было, он осматривал монумент, затем что-то увидел и быстро пошёл за угол разрушенного дома.

– Я и Тियो поищем лир и выпить. Думаю, они в одном месте, – Ратибор не изменял своим интересам.

– Ищите, только монет у вас нет. Я тоже осмотрю этот город. С заходом солнца собираемся на этом месте. Попробуйте заработать монеты, только... Гор, не нужно лезть на эту стену, – дед снял капюшон и неспеша побрёл вдоль рядов.

Ворота крепости, как пасть зверя, – так они казались нам. Высокие и широкие, для чего они были такими большими?! Свет снаружи не проливался далеко вовнутрь прохода. В полумраке горели несколько огней, был слышен стук кузнечного молота и разговор нескольких мужей.

Мы решительно шагнули под высокие закопчённые своды. Под ногами не было снега теперь, землю покрывал плоский камень. Было так, будто большой камень растаял и залил эту землю, а потом опять стал твёрдым (асфальтированная дорога). На этом пути посреди его и вдоль были нарисованы белые полосы. Мы остановились, не понимая этого текста. Никто из нас не знал значение этих полос, что они говорят, о чём предупреждают?

– Идём туда, – решила Арья, как может только она.

Арья – женщина, и если пошла она, мы не можем стоять.

В полумраке мы могли разглядеть на стенах картины и надписи на незнакомом нам языке (английский, две на китайском). Мы не знали, что говорят письмена на стенах, но они дышали великим духом могучих богов.

Мы прошли одни раскрытые врата, вторые, третьи, четвёртые... свет снаружи уже не покрывал дорогу под нашими ногами, здесь дарили слабый свет факелы и прозрачные сосуды с огнём (керосиновые лампы), в ржавых железных чашах горели и коптили куски какого-то материала.

Впереди ворота были закрыты, на них были нарисованы огромные цифры – 06. У стены был сложен кузнечный горн с мехами, были столы и стойки с оружием. Трое мужей жгли костёр посреди каменной дороги, на белой полосе. На вертеле они жарили тушку какого-то большого грызуна. Запах жареного мяса поднимался вверх вместе с дымом и присоединялся к остальным дымам, ставшим облаком под тёмным потолком. Броня людей была необычной, выглядела она широкой и жёсткой, странный рисунок был вырезан на ней – много квадратов (броня из автомобильных покрышек). На броне было много железных шипов (вкрученные изнутри шурупы). Оружием этих людей были копья из белого дерева (пластиковой арматуры или трубы), а наконечники – из старого железа.

Кузнеца искать не пришлось, он был занят своим делом. Крепкий лысый мужчина обрабатывал молотом железную пластину. Его неаккуратная борода была опалена жаром горна. Несмотря на сильные звонкие удары молота, что обрушивала его рука, глаза его были добры и внимательны к создаваемой вещи. Дух этого человека полностью был поглощён процессом создания.

Сабли, пики... но Урумара сильно заинтересовало оружие, что звалось алебардой. Это название сказал нам Боромир, похоже, он разбирался не только в травах... что за человек?!

Урумар взял со стойки алебарду, почувствовал её вес, широко размахнулся. Это оружие могло служить и как пика, и как тяжёлый боевой топор. Урумар загорелся желанием иметь это. Он подошёл к кузнецу.

– Что ты хочешь за это сильное оружие? – большой интерес говорил устами воина.

– Какими деньгами будешь платить, рубль или юань? – басом спросил человек, его голос заставлял принимать его серьёзно.

– Таких не знаю, медные монеты знаю. Сколько медных?

– А... понятно. Вы с юга. Медными тут не платят, вам надо обменять их.

– У нас и медных пока нет, – слова Арьи рассмешили сидящих у костра.

Кузнец с улыбкой взял из рук Урумара оружие и вернул его на место.

– Вы тут жить собрались, или за богатством пришли? Разные цели – разные люди, которых я могу вам посоветовать.

– Мы пришли за знаниями, – сказал я.

– К чертям знания, мы пришли за монетами, – Арья отодвинула меня локтем и вышла на разговор с кузнецом.

– Короче, идите вы в зал и найдите там место, называется Харч. Там спросите Володю-оружейника. У него найдётся для вас работа, за которую он заплатит.

– Где этот зал? – Урумар подвёл к концу разговор.

– За этими воротами. Их вам никто не откроет, механизм сломан. Вон в ту дверь идите.

С этих слов началось наше путешествие во тьме ходов древней крепости...

ГЛАВА 2

Во тьме

Дома... большие дома стояли тесно. Их комнаты наверху были не видны, они скрывались во тьме. Этот зал был так велик, что нельзя было увидеть этого, ни его размеры, ни очень слабый свет не давали этого сделать. Все дома начинались от земли, где слабые пятна света, и уходили вверх, в темноту, где их нельзя было видеть.

Наши попытки осознать величину места не удались. Не видно, но понятно – это город под крышей. Щурясь, как слепцы, мы шли на слабый свет фонарей, от пятна к пятну, дышали тяжёлым как чугун воздухом.

Улица была прямой, большие дома вставали стеной с редкими тёмными проходами. Над головой путалась паутина чёрных верёвок (проводов). Люди в этом городе были похожи на тени, на призраки умерших – бледная сухая кожа лиц с тёмными глазами и почти одинаковые чёрные плащи, хорошо прячущие под собой броню и оружие, что предательски позвякивали при каждом шаге. Такие же тени были видны в окнах нижних комнат. Свет в фонарях этого места был не живой огонь, а какой-то другой – тёплый, мягкий, но не живой огонь. Здесь не было ни травинки, ни дерева,

ни даже мхов, только камень и железо. Даже под ногами каменная (асфальтированная) дорога иногда становилась толстой железной сетью, в которую нельзя провалиться, которую нельзя порвать, под сетью – тёмная пустота.

Журчавшая и ползущая во все стороны жизнь этого места не видела нас. На самом деле людей-теней было немного, в Омэй-Гате на Проспекте столетий в любое время дня людей намного больше, или это мы не видели всех?..

– Харч, – сказал я первым, первое слово за время, что мы шли по этому странному месту. – Я читал эти буквы, написано «Харч».

На старом листе железа, прибитом к окну, это слово было написано жёлтой краской. Над словом был свет, нечто пульсирующее светом было заперто в прозрачном бурдюке, оно похоже на тонкого скрутившегося в кольца червя (лампа со спиралью). Мы молча рассматривали непонятное творение, хотели взять в руки, но оно обожгло их.

– Злобная тварь! – Урумар был зол на странное создание. – Манишь светом и жжёшь? Оно даже не убегает!

– Кого вы там нашли?

Мы повернулись в сторону, откуда звучал голос. От страха Арья выхватила топор. Странное существо зыркало на нас своими большими глазами, примотанными куском тряпки к бородатой голове (самодельные очки с толстыми линзами). Горбатое, с большими ушами и дырами в них (туннели), лохматое, как Тио, распустивший свои многие косы, оно шури-

лось и вглядывалось в нас, сидя на непонятных перекладах. Сухими костлявыми руками оно держалось за железную палку, а ноги его были привязаны, и оно крутило ими, пытаясь уйти, как мы думали (велотренажёр). Одет он был в штаны и меховую накидку, сальную и рваную.

– Что за тварь вы там нашли, Аркашу? Синяя мразь, забыл про смену и нажрался, – голос этого странного маленького человека был неприятен на слух, как он сам не приятен на вид.

– Что ты такое есть, уродец? – Моё любопытство не терпело сидеть взаперти того, что учёные мужи звали приличием.

– Я человек, а ты, свиная жопа, – дальше стали вместе со слюной из его рта выскакивать такие слова, что ты, мой читатель, слышал много раз, а вот мы впервые. Нам хватило любопытства попросить поведать значения этих слов. Уродец рассмеялся и стал говорить такое... вот такие слова не многие из вас знают.

– Тсяпа! Заткни свой рот!

Крупная грудастая баба с лицом вепря удивительно быстро выскочила из прохода с тряпкой и стала ею хлестать уродца, а тот тощими ручонками отмахивался от тряпки, скавчать будто пёс. Свет стал моргать. Это развеселило нас так, что никто из нас уже не хотел насадить уродца на копьё и запустить его подальше в темноту.

– Мамадя... мамадя, хватит! Не бей! Молчу! Но и работать я не буду, моя смена окончена. Хер вам, а не свет, да

будет тьма! – С этими словами он сложил ручонки на груди и перестал дёргать ногами.

Свет над словом «Харч» и близкий к нам фонарь погасли. Это впечатлило нас: «Колдун! Этот жалкий человек может...!» Так думали мы.

– А ну крути! – требовал голос во тьме и хлёсткий удар тряпки.

– Мамадя! Аркаша, сволочь!

– Верни свет, пока насмерть не забила. Будет тебе плата за Аркашу. Мне всё равно кому из вас, убогих, платить. Крути!

В темноте слышалось шуршание, звук жидкой похлёбки, что наполняла собой миску.

– На!

В темноте что-то жадно зачавкало и затем вернулся свет.

Тсяпа чавкал и ковырял грязными пальцами с жёлтыми ломаными ногтями в миске. Слизав с пальцев остатки похлёбки, он швырнул миску в сторону.

– ... Вот, так что нечего искать оружейника в харчевне утром. Он, наверное, в своём магазине.

Наконец уродец дал нам новую цель для пути. Уточнив, как пройти к этому месту, что звалось магазином, мы продолжили путь.

Всё более странным и необычным казался нам город в темноте. Вдруг с неба, жужжа, на дорогу опустился желез-

ный жук с крыльями на конечности, торчащей из спины (механическая игрушка, что-то наподобие вертолѐта). К жуку подбежали дети, схватили его и убежали в проулок. Как они не спотыкаются в потѐмках?!

Навстречу нам двигался свет, единственный его источник в этом переулке. Вместе со светом приближался скрип. Мы взяли за оружие, встали стеной.

– Уходи! – приказал Урумар, выставив вперѐд копьѐ.

Свет остановился и сразу погас. Что-то железное упало на землю... щелчок... искра... струя пламени опалила наши лица, и в уши наши проник протяжный писк, давящий на голову изнутри. Мы, отважные и могучие воины, бежали оттуда, как трусливые шакалы – спотыкаясь, вереща от страха, сшибая друг-друга, налетая на стены и столбы.

Мы разбежались по разным улицам, потерялись. Ещё долго, как слепые котята, мы бросались от одного пятна света к другому, кликали друг друга, пока все не собрались.

– Пусть дьявол съест этого оружейника, выйдем из темноты, туда, где есть небо! – Урумар был напуган и очень зол на себя за это.

Скоро мы выбежали в большой коридор, где была кузница. Пятно спасительного солнечного света, что падал на снег, было знакомо нам – выход близко.

Мы поторопились туда, почти бежали.

– Что, дети, испугались темноты? – Слова кузнеца нам вслед были едкими и острыми для нас. – Спорю, темноты вы

ещё не видели.

В любом другом месте за эти слова мы били бы этого человека, но тут, казалось, даже стены против нас...

– Свобода! Свобода, сын собаки, где ты есть?! – звал Урумар, мы звали остальных.

Наше метание по площади и крики смешили людей. Наконец Ратибор, Тио и дед подбежали к нам. Их пугал наш страх, Тио взял в руку нож и с опаской бросал по сторонам взгляд, выискивая им монстра.

– Я уйду, это место не для нас. Тут нечисти больше, чем в сказках любой старухи! – Урумар не мог остановиться. Я впервые увидел его таким, и это крепко поселило страх во мне, следом в Боромире и даже в Арье.

Мы стали рассказывать, перебивая друг друга – темно, огонь, дракон и страшный уродец!

– Где Нэа, где эта старая женщина?! – спрашивал я у деда. – Нам нужно к ней.

– Прав он, – согласился Урумар и пытался сделать спокойным свой голос. – Свобода, мы дошли до края, этот мир не для нас. Смотри на этих людей, смотри на дома, а то, что мы видели, не смотри. Эти люди страшнее Антонэ. Мы не пройдем дальше, нас убьёт этот путь.

– Давай разведём огонь, согреемся, поедем и подумаем, – таким было предложение деда. Было видно, он доволен чем-то и совсем не хочет уходить.

– Нет, Свобода, я тебя уважаю, но я не хочу идти вперёд, я хочу назад. Я много видел, много бился и не боюсь никакого боя, но там... эта гора живая, она оставит нас в себе и переварит. Нам сложно было выйти, мы долго искали выход, – Урумар увидел Нэа, что волокла за собой ящик на полозьях. – Свобода, нужно не идти сейчас. Нэа! Эй, старуха, стой говорю тебе! – Он поспешил к Нэа. – Садись на свой ящик, и я повезу тебя, буду жить в твоём доме пока.

– Я знаю его много лет, таким он никогда не был, – в словах Ратибора слышались тревога и страх, которые он перенял от Урумара. – Значит, есть тому причина.

С этими словами он пошёл следом за Урумаром, что тянул ящик со старухой на нём.

– Я не воин по законам Прибойа. Но не в том моё решение. Монет у нас нет, а у старухи есть еда и самогон, я туда, – эта речь Тио принесла грусть в мою душу воина. Я боролся со страхом, а мой названный брат поступает так.

Я не сказал ему вслед ни слова, потому что сомневался – не сделаю ли я так же, как и он, через шаг или два. Я, Арья и Боромир смотрели вслед уходящим братьям по оружию, не понимая – осудить их или принять? Нам нужно было слово и слово пришло в наши уши: «Воин – это человек, а всякий человек имеет страх. Не знай наши отцы и деды страха, не спасайся они от него, не борись с ним – не родились бы мы, не было бы людей. Не будем судить наших братьев. Мы станем лагерем и будем узнавать это место осто-

рожно. Не успеем – придём следующей весной»...

Два дня мы жили в городе возле крепости. На этих руинах больше никто не жил. Люди работали тут, а ночью все уходили внутрь горы, и мы оставались одни. Лагерь наш стоял в разрушенном доме, в комнате, третьей над землёй (третий этаж). В этих холодных кирпичных стенах мы чувствовали хоть какую-то безопасность. Эти дни мы зарабатывали деньги тем, что пилили лес. Денег нам хватало только на еду.

Мы часто смотрели на древнюю крепость. За эти два дня мы немного привыкли к её виду снаружи, он всё ещё был величественным, но уже не таким страшным.

Рот не пилил с нами деревья, он весь день не попадался на глаза, но он приносил немного денег.

– Взял, – так говорил он и не говорил ничего больше.

Вообще Рот был проблемой в наших головах. Он нравился Арье, но даже она ругала его. Рот был сам по себе и не считал себя частью отряда, но при этом приходил в общий лагерь. Все слова брани он будто не слышал, как и никакие другие слова.

Утром третьего дня дед проснулся и сказал слова. Мы ждали два дня, что решит Свобода. Его решение несло страх нам, но слова звучали так, что мы вдохновились и были согласны вновь идти вглубь живой горы...

Мы пришли к восточной стене крепости. В тот день мы

желали совершить смелое дело и, приготовив четыре факела, шли к большой дыре в стене.

К стене крепости был пристроен красный дом из кирпича, из крыши его торчали две железные трубы. Та, что толще и длиннее, пускала дым, что туманом опускался к земле под снегом.

Одной стены в красном доме не было, и мы видели то, что делало дым. Большая печь росла из стены крепости. В её огненный рот человек закидывал лопатой мелкие не догоревшие дрова (древесный уголь). Над ртом этой печи были её глаза – круглые и белые, в железных кольцах (датчики температуры и давления).

– Это паровой, так зовут это, – дед уже был тут и расспросил человека с лопатой. – Он делает свет, вызывает Ток. Да, Ток рождается в нём... из огня. – Он слабо встряхнул железный котелок с крышкой, что нёс с собой. Котелок чихнул дымом и пеплом. В нём тлели угольки.

Мы молча смотрели на рукотворную тварь, что пожирала угли. Арья смотрела с опаской, она была готова ответить ударом на движение чудовища, но оно не двигалось – сытое.

– Мы пойдём туда, – Свобода указал пальцем на огромную дыру в великой стене.

Серый свет пасмурного утра проникал в дыру. Много ходов и комнат в ней напоминали соты в пчелином улье, только квадратные. Торчащие из стен живой горы вены и жилы (трубы, кабели, арматура толщиной с рельс) были чёрными

и пустыми. К пробоине поднимались железные ступени лестницы, пристроенной к стене.

Жёсткий снег от наших шагов падал с железных ступеней вниз. Железо сотрясалось, скрипело, но всё же казалось надёжным. Крупные мокрые хлопья снега стали быстро падать с серого неба на грязную снежную кашу внизу.

Боромир снял с плеча арбалет и зарядил его, когда мы приблизились к дыре.

– Что могло пробить такие стены?! – Дед хотел измерить руками толщину наружной стены, но размаха его рук не хватало, ещё бы пару больших ладоней...

Мы стояли в маленькой комнате, все стены в трещинах и будто плавилась когда-то. Пол покрыт кусками сломанной стены и толстым слоем сажи и пепла. За нашими спинами падал снег, а впереди наших лиц пугал чернотой узкий проход.

Дед поставил на пол котелок, открыл. Раздув угли в нём, он опустил в него факел. Огонь не хотел просыпаться. Раздувая угли, мы всё же приманили огонь на факел, чтобы он дал нам свет. Свобода достал из карманов несколько маленьких чурок, опустил их в котелок и накрыл крышкой, оставив щель для воздуха.

– Арья, ты неси. Возьмём угли с собой, огонь помощник нам.

Дед на ощупь пересчитал болты в колчане за спиной.

– Да хранят нас боги, кем бы они ни были, – дед шагнул вперёд.

– Стой, – остановил Боромир и протянул деду плотный комок соломы и смолы. – Пусти его стрелой во тьму, он покажет, каков путь.

Насадив комок на наконечник болта, Свобода поджёг его и зарядил в арбалет. В арбалете деда болт сильно выступал вперёд, а в арбалете Боромира болт почти не выступал. Пущенный огонь разогнал тьму на своём пути. Коридор был длинным. Болт упал на пол, огонь разделился на маленькие огоньки и погас. Путь был чист.

– Много у тебя этого? – Свобода оценил идею стрелка.

– Осталось девять. Это для света. Для чудовищ у меня есть яд. Все болты моего оружия отравлены.

Арья непонимающим и бранным взором обожгла Боромира.

– Болты... стрелы, – показал он тот, что заряжен в Беса.

– Ты реши, болты или стрелы, умник.

– Идём, факел не будет кормить огонь вечно, – поторопил я, ибо замерз.

Мы вошли в проход, вдохнули пыльный воздух. Факел осветил гладкие стены, что уходили во тьму, чёрным молчаливым туманом висящую в паре десятков шагов впереди...

Хрустящий звук наших шагов был не один в этом месте. Коридор наполнился тихими звуками шелеста, стука, воя. Мы

уходили всё глубже, вот уже и пятно света, выход, исчезло за поворотом.

– Пути расходятся, – слова Арьи гулко прозвучали в этих стенах.

От небольшой площадки с шишкой на потолке (лампа в плафоне) расходились три пути: направо – широкий коридор с тёмно-красными стенами и белым потолком, в стенах – ниши; прямо – такой же, что вёл нас, серые пустые стены. Налево уходил узкий проход, его стерегла дверь из железной решётки, но замка на ней не было. Чуть дальше в темноте левого прохода что-то слабо поблескивало, возвращая нашим глазам часть света, что пожирала тьма.

– Там дверь, значит, за ней можно что-то прятать. Идём туда, – так рассудил Свобода. – Гор, зарубку.

Я высек зарубку топором на стене пути, что привёл нас сюда.

Железная дверь из решётки со скрежетом открылась и пропустила нас.

Небольшое расширение этого пути было полно коробов. Мёртвыми белыми глазами (датчиками) смотрели они на нас. Их лица были без ртов. У некоторых не было глаз, пусты их глазницы, торчат нервы (провода). Кто сделал с ними это?!

– Тихо, это механизмы, – дед пытался успокоить самого себя.

Он осторожно подошёл к одному из коробов. Мы приготовили оружие. В коробе оказались странные верёвки, которых в крепости было много.

Мы двинулись дальше. Слуха нашего коснулись голоса, мы все их слышали. Кто-то говорит, кто-то смеётся, кто-то на кого-то кричит. Слова прилетали будто издалека, буквы таяли по пути. Теперь-то я знаю, что звуки приходили в тот технический коридор по вентканалу, Конечно, мы этого не знали...

– ... Скажи, чего ты хочешь, о дух! – Голоса не менялись, не стихали и не становились яснее в ответ на просьбы деда. – Кто ты? Что ты хочешь, мы не понимаем.

– Откуда этот звук, где тот, кто говорит? – В Арье страха было меньше, да и разговор ей надоел.

Мы молча вслушивались в гул и непонятные обрывки речей. Арья поставила котелок с углями на пол, взобралась на железное бревно (трубу). Под самым потолком в стене был квадратный лаз, куда мог пробраться небольшой зверь, но не человек. Арья послала клич в темноту лаза.

– Эти духи не с нами говорят, – она спрыгнула на пол.

– Эй! люди! – Неожиданно чёткий голос вылетел из лаза. Хриплый, закончившийся кашлем.

– Кто ты? Это твои владения? – Дед взял на себя дело говорить. Это всегда его дело.

– Нет, – после недолгого молчания отозвался голос. – Мы люди. Выпустите.

– Откуда вас выпустить?

– Дальше по коридору будет дверь, мы за ней. Быстрее.

Хриплый голос с холодным ветром вылетал из черноты ниши. Он был страшен.

– Духи этого места заманивают нас в опасность, не пойдем, – Арья не верила голосу.

– Может, это и вправду люди... вот только добры ли они? – Дед задумчиво чесал бороду. – Нужно пойти назад и обдумать.

Поддавшись авторитету Свободы, мы развернулись в обратный путь.

– Эти места наказывают за спешку в решениях, – дед знал, что в наших душах горит жажда узнать, он пытался остудить её пыл, но не погасить совсем.

Дед говорил с полупьяным человеком, что ломал какой-то странный ящик с верёвками и пластинами. Они вместе рылись в обломках, что-то искали. Арья покинула эту душную комнату и направилась найти Рота. Я тоже вышел на улицу, чтобы вдохнуть сырой холодный воздух, посмотреть, как неуклюжие тяжёлые снежинки падают и становятся грязью.

– Гор, – хлопнул меня по плечу Боромир. – Пойдем в тот ход. Сами.

– Без отряда? Плохо. Опасно.

– Ты хорошо бьёшься, я хорошо стреляю, и мой Бес пробьёт любую броню.

– Зачем нам торопиться? Интерес победит деда, и через день или два мы пойдём опять.

– Все вместе... опять, – он положил руку мне на спину и повёл в сторону. Так делал Ратиобор, когда замышлял что-то скрыть от остальных, обычно это была идея напиться хорошего пива и поесть много мяса подальше в лесу. – Гор, есть у меня мечта, я хочу стать охотником на чудовищ. Ты думаешь, я много работал и купил Беса, чтобы в оленей стрелять?! Я вижу, ты смелый сильный воин, с головой, такой мне и нужен брат по оружию для охоты.

Я вспомнил дни, когда стал мужчиной, воином, но ещё не ушёл из Прибойя. Как мне не терпелось сразиться с чудовищем! Я хотел изловить какую-нибудь ночную тварь, порождение злых сил, хотел убивать таких и быть великим воином.

– ... Вот, пришло это время, пора начинать путь тёмного охотника.

– Почему тёмного?

– Потому что охотиться на тёмных неведомых тварей, на нечисть всякую. Так что, Гор, Чёрный медведь, будешь ты охотиться со мной?

Обычно Боромир молчалив и скромн, но теперь его речь и дух воспылали огнём решимости.

– Когда-то нужно начинать...

– Молчи, идём сейчас, – я поставил точку в этом разговоре.

Я и Боромир стояли на том месте, дальше которого не ступили в прошлый раз. Огонь факела всё так же освещал малый круг пространства. Теперь, когда нас только двое, эти стены казались ещё холоднее... почему-то ещё более тесными.

Молча мы продолжили путь. Далеко впереди слышался стук, кто-то стучал по железу. Боромир плотно упёр Беса в плечо и целился в темноту. Я нёс в правой руке факел, а в левой держал щит перед собой, мне казалось, что из темноты на меня выпрыгнет враг. Почему-то враг представлялся мне многоногой чёрной тварью с беззубым ртом; представлялось, как эта тварь бежит в темноте, отталкиваясь ногами от пола, стен и потолка.

Мокрые вены и нервы живой крепости ползли по стенам этого коридора. Тишина в сыром затхлом воздухе, только звуки железного стука и наших хрустящих шагов. С каждым нашим шагом тьма впереди отступала тоже на один шаг, а стук становился громче. Борясь с желанием бежать назад, мы осторожно шли вперёд, напрягая глаза.

Пол под ногами стал железным с множеством мелких одинаковых дыр. Под этим полом лежали всё те же вены крепости. Мы остановились в немом страхе... там, среди чёрных «вен», покрытых сырой пылью, сидела страшная серая тварь. Вытянутое худое тело с пятнами болезни на шкуре, покрытой не то жёсткой шерстью, не то тонкими иглами.

Длинная тонкая морда с откушенным носом, словно стрела, смотрела на нас. Глаза её были так глубоко посажены в голову, что не блестели в свете факела, угольной чернотой они обездвиживали нас. Когтистыми лысыми лапами оно стало цепляться за решётку, пыталось просунуть морду, но отверстия слишком малы.

Мы задом пятились вглубь коридора, спиной к незнакомой тьме. Наши глаза были прикованы к железному полу, из дыр которого торчал откушенный нос и когтистые лапы пытались протащить своего владельца через маленькую дыру.

– Это крыса, голодная больная крыса. Я таких видел в подземельях Омэй-Гата.

– Ты спускался туда?!

– Три раза. Кроме говна и рваных тряпок, там ничего нет. Пойдём, этот стук уже надоедает, – Боромир, кажется, был спокоен.

Только мы обернулись в решимости продолжить путь, как наш крик испуга отразился от тесных стен и звонким ударом проник в наши уши. Я бросил факел, он остался гореть на полу, и выхватил топор. Впереди стоял кто-то. На фоне серой стены, тонущей во тьме, стоял ещё более чёрный худой силуэт. На голове его поблёскивали два круглых глаза. Нет, это не был короб, это был кто-то высокий и тонкий.

– Боромир, стреляй!

– Ты человек?! Отвечай, кто ты?

Ответа не было, ещё и стук затих. Факел, лёжа на полу, горел плохо и стал угасать. Вместе со светом угасали и глаза существа.

– Оно плывёт по воздуху... видишь? К нам плывёт. Стой!

– Стреляй!

Громкий щелчок порезал обострившийся слух. Арбалетный болт со стуком ударил в правый глаз твари, но та не издала ни звука, её чёрная тень лишь пританцовывала в немой насмешке.

– Гор, прикрой меня щитом, – Боромир достал из кармана шарик смолы и соломы.

Я стоял перед товарищем, закрывая нас щитом и держа топор наготове. Тварь, теперь одноглазая, медленно и совсем бесшумно плыла к нам. Боромир поднялся из-за моей спины. На болт, более длинный, чем были до этого, насажен горящий комок. Выстрел. Огненная точка ударила в центр тонкого тела чудовища. Что-то зашипело, огненные капли стали падать на пол, огонь пополз по телу твари, испуская чёрные ленты копоти.

Когда огонь разгорелся шипя, стал виден облик этого... оно висело в нише на повороте коридора. Его тёмная морщинистая кожа висела на костях, будто внутри больше ничего нет. Голова с бледной кожей и круглыми глазами, в одном из них, пустом, торчал арбалетный болт, смяв голову и пригвоздив её к стене. У головы не было рта, зато был хобот

с железной банкой на конце.

Пламя пожирало это существо, а оно не издавало ни звука, не корчилось в муках, не билось в агонии. Оно смело и холодно смотрело на нас уцелевшим глазом без зрачка. От жара нижняя часть головы стала плавиться и растеклась в кошмарной улыбке, пока не лягнулась дымящейся жижей к толстым чёрным ногам без пальцев.

Да, мой догадливый читатель, это была лишь вешалка с противоголозом и резиновым комбинезоном на ней, всего-то. Никуда оно не плыло, это делало наше воображение. Не насмехайся, злорадствуя: воображение – штука древняя и пугливая, сходи в недра брошенной крепости, и ты найдёшь своего монстра.

Мы, гордые победой, смотрели, как растекается труп тёмного создания. Улыбки на наших лицах сбил быстрый и частый стук из-за угла.

– Откройте! – Хриплый голос был едва слышен.

Взяв факел, мы осторожно заглянули за угол, Боромир целился. За углом хода не было, его преграждала тяжёлая железная дверь с колесом на ней. Не люблю я такие колёса, не понятны они мне...

Скрип колеса разносился по тёмным проходам древней крепости. Я крутил колесо, а Боромир стоял в темноте, подальше от лежащего на полу факела, и целился в дверь.

Щелчок, больше не крутится... дверь слабо толкнули

с той стороны. Одним прыжком я оказался у щита, что лежал в стороне. Приготовив топор к бою, я, осторожно и с готовностью биться с чем бы то ни было, выглядывал из-за железного обода своего щита.

С натугой кто-то толкал тяжёлую дверь. Темнота кралась из открывшейся щели, но коптящий огонь факела загонял её обратно. Наконец в узком проходе показалась рука, чёрная грубая кожа на ней была покрыта круглыми плотными выступами.

Из неизвестной темноты выходил кто-то на четвереньках. Это был человек, он прикрывал ладонью лицо, спасая глаза от света. Это был молодой мужчина, лет двадцати на вид. Он встал на ноги, опираясь о стену. Одежды его были не из этих земель – белые с серыми полосами и пятнами (снежный камуфляж), короткая рубаша без рукавов со многими карманами, похожая на ту, что у деда. Руки его были в перчатках, а ноги укрыты в хорошие чёрные сапоги со шнуровкой, один их вид говорил – хорошие. Голова мужчины с щетиной вместо волос смотрела на нас шурящимися от света глазами, пытаясь разглядеть. Лицо его было измученным.

– Кто ты? – спросил я, пытаюсь говорить строго и сурово, чтобы человек меня боялся. Я сделал шаг вперёд, не опуская щита.

– Я искатель, путешественник. Я не враг.

– Мы тоже путешественники, пришли в это место за знаниями и монетами, – голос Боромира из темноты напугал

человека.

– Сколько вас тут, – он понял, что я не один, что в темноте есть ещё кто-то.

– Нет, – не захотел я выдавать чужаку то, что нас всего двое, – сколько тут тебя... вас?

– Лен, выходи.

Из темноты вышла женщина, примерно возраста этого незнакомого мужчины. Облачённая в похожие одеяния, она не вызывала у меня опасений. Светлое лицо с зелёными глазами было уставшим. Растрёпанные рыжие волосы с запутавшейся в них паутиной лежали на сутулых плечах. Даже её тёплые одежды не могли скрыть её женскую фигуру. Да... за такую женщину бились много мужей, наверное. Если этот почти лысый муж с ней, то он хороший воин, нужно быть осторожным с ним.

Люди достали свои рюкзаки из темноты за дверью и, доказывая, что больше людей нет, закрыли дверь и повернули колесо. Жажда мучила их, мы поделились с ними водой из бурдюков.

Мы вышли наружу. Эти люди не хотели попадаться никому на глаза. В такой хорошей одежде и с крепким удобным рюкзаком я бы тоже не появлялся в этом месте, ограбят. На их счастье, ночная тьма была близко, свет становился синим. В это время люди торопятся укрыться в крепости, им нет дела до чужаков.

Эти люди вызвали воду из железной соломины, что росла из стены (кран). Тут эти умения были у всех, но каждый раз я удивлялся. В Омэй-Гате я видел что-то похожее, но не такое. Набрав воды, они поспешили обратно в руины и попросили нас проводить их в обмен на деньги.

– Все наши фонари сели, нет света. Кто же знал, что мы застрянем на неделю.

Наш факел уже не мог давать свет, Боромир сходил в убижище за другим. Пока он ходил, я не отрывал глаз от людей, разглядывал.

– Где твоё оружие? – Не стал я дальше скрывать интерес.

Человек указал на ножны с ножом на поясе и, оглядев-шись, вынул из странной сумки (кобуры) железный инстру-мент угольно чёрного цвета (пистолет). Ни то, ни другое не вызвало у меня уважение, нож – игрушка для детей, а этот странный предмет, как им биться?! Или куда вставлять стрелы?

– Как это спасёт тебя в бою? – смеялся я.

– Пока спасало, – он не злился, ответил с улыбкой.

Незнакомка, какую он звал Лен, несла факел. Мы шли за ней. Всё такие же запутанные ходы, ими мы добирались к месту, что человек звал «станция», или «Неплюйка».

– Почему такое название? – спросил Боромир.

– Неплюйка? Вообще это название речки. Когда-то, ещё до нашей эры, в этих землях выходила на поверхность под-

земная река. Это был основной источник воды у жителей деревни, что была где-то в этом месте... вот прямо где мы идём, примерно...

Бесконечные стены и тьма не давали представить чистую поляну под солнцем и деревню на ней, кажется, будто эта громада была тут с начала времён.

– ... Так вот, эту речушку берегли, чистили, и не дай боги туда плюнет кто! Вот и назвали, Неплюйка. Потом, перед Великой битвой, стали строить крепость и речку засыпать не стали, а пустили по коллектору, чтобы оставить альтернативным источником воды. Со станции есть единственный вход в этот коллектор, вот и станция тоже так называется. Эх... ещё несколько лет назад был свет и полно людей на этой площади...

За разговором я и не заметил, как стены вокруг исчезли, оставив лишь мрак. Свет факела почти не доставал до краёв холла. Пол под ногами был выложен одинаковыми каменными плитами (белый мрамор).

– Темно, жалко, не видно всей красоты, – слова женщины несли сожаление, будто в угасании этого великого места есть её вина.

– Как вы застряли там? – спросил Боромир, вглядываясь в темноту по сторонам.

– Мы поднялись туда по вертикальной лестнице из помещения второй насосной станции, – женщина не подбирала слова, понятные нам. – Проходили полдня по этим прокля-

тым коридорам, ничего не нашли, в том числе и альтернативного выхода, то обвал, то дверь закрыта с другой стороны. Стали спускаться туда, откуда пришли, а там вода уже на полпути. Нырять даже не думали, вода ледяная да и дышалки даже на полпути не хватит. Неделю там просидели. Вода закончилась, а набирать из затопленного места не стали, тест показал, что её не то чтобы пить нельзя, даже руки в ней мыть нежелательно.

Мы стали спускаться по ступеням, покрытым странным чёрным материалом. Ступени неширокие, но рядом шли ещё такие же, отгороженные невысокой стеной. Ступени шли в полукруглом проходе с гладкими каменными стенами. Человек рассказывал, что эта лестница когда-то сама опускала и поднимала сотни людей. Брешет, вшивый пёс.

– Что есть Кхтнбек? – Голос и арбалет наготове выдали беспокойство Боромира. – На стене, несколько шагов назад, я читал странное послание, что Кхтнбек сука. Почему древние предупредили об этом, там внизу её владения? Интересно, что за тварь?

Люди держали смех в себе, но мне смешно не было. Тьма в конце пути стала пугать ещё больше, люди прекратили свои рассказы и стали идти молча.

– Раз это сука, то она могла наплодить себе подобных, вдруг там стая Кхтнбеков?! – Имя у твари странное, моё воображение стало спешно рисовать неведомую тварь, поче-

му-то опять многорукой...

Стены вокруг и пол под ногами задрожали. Из тёмных недр донеслись железный стук и пронзительный рёв, как мы уже слышали. Стало ясно, мы идём в логово железного червя!

– Куда вы нас ведёте?! – Глаза Боромира выдавали испуг в нём, но Бес уверенно лежал в его руках, смотрел гладким без зазубрин жалом на незнакомцев.

– Это поезд, мы идём на станцию. Раньше поезд останавливался там и люди входили в него.

Этот человек говорил уверенно, или он хорошо врёт, или он точно знает, о чём говорит.

– Зачем людям это было делать? Зачем им ходить к червяю? – не понимал я.

Люди улыбались, держа смех внутри. Они выбирали слова.

– Поезд отвозил людей в другие места, куда людям было нужно, – так говорила та, что незнакомец звал Лен. – Он не враг, он друг.

– Вообще, он не живой. Им управляют люди, как мы. Пошли, он уехал и следующий будет через два дня. Факел догорает, давайте быстрее.

Я уже привык к этому чувству – дух мой мечется между желанием вернуться в безопасное место и продолжить путь в пугающую неизвестность, при этом мои ноги не думают,

они просто идут.

Мы спустились. Факел горел слабо, ткань почти вся была съедена огнём. Пещера была большой, свет огня почти не доставал стен, нельзя было что-либо разглядеть. Да, именно пещерой казалось мне это место, наполненное запахом пыли и воем духов.

– Так... генераторная будет слева, дальняя дверь, – бормотал человек.

– Ты уверен? – Женщина видела что и мы, огонь голодает и вот-вот откажется давать свет.

– Да. Эта крепость того же плана, что и наша. Отделка помещений разная, но планировка один в один. Вот только лезть туда с огнём меня напрягает, к генератору.

– Лёш... а если там нет его, если вывезли? – беспокоилась Лен.

– Беда. Тогда, как кроты, в полной темноте. Гермоворота открыть можно вручную. Попадём в туннель и к выходу на ощупь. Тут не далеко, минут двадцать пешком. Так, вот она. Чувствуете? Солярой даже сюда тянет. Вы с огнём останетесь тут.

В руках человека появился плоский камень, похожий на тот, что был у Антонэ. Мягкий белый свет родился из этого камня, божественный свет! Он озарил темноту подземелья, и голос неизвестной птицы, мелодичный и чистый, разогнал унылое завывание духов этих мест.

– Я знал! Антонэ, шакалий сын. Ох... отрежу его пёсий язык и ко лбу его привяжу! Все пусть видят. Боги... это вы, как говорил Ахмед.

Я был полон чувства, что раскрыл древнюю тайну.

– Ладно... я пошёл, свет приведу.

Я, Боромир и Лен остались, а Лёш ушёл в зловонный ход призывать свет.

– А эта сука... Кхтнбек, если она придёт? – эта неведомая тварь волновала ум Боромира, мой ум она тоже тревожила.

– А... забей, – с улыбкой отмахнулась Лен.

– Я смогу, – показал я уверенным тоном, что храбр, ведь я воин из Прибойя.

Рокот и фырканье громким шумом вырвались из темноты прохода. Вместе с шумом стал свет везде. Свет такой яркий, что слепил наши сонные от тьмы глаза, заставлял закрывать их ладонями. Воздух с воем тысячи душ всколыхнул ветер, выгоняемый из тёмного окна в стене, защищённого решёткой. Ветер принёс запах смерти.

Ужас и паника захватили меня и Боромира. В густом свете мы метались из стороны в сторону, сталкивались. Ор ужаса отразился от каменных стен, когда наши глаза, глаза воинов, встретились с ликами великанов, что застыли в камне. Люди, высотой, как два Урумара, они были каменными и держали на своих широких плечах потолок этого места. Наверное, это были воины, ведь их одежды тяжелы и прочны на вид:

шлемы с глазом на лбу (шахтёрская каска); прочная одежда без рукавов (жилетка строителя); широкие пояса с необычным оружием (пояс с инструментами). Эти каменные воины с молчанием смотрели на нас.

Боромир от испуга выстрелил в одного из них, но болт отскочил от камня и не принёс ему вреда.

– Эй, успокойтесь! – Странное оружие нового человека смотрело на нас.

Я и Боромир спрятались за каменными воинами. Страшные, но они не двигаются и, кажется, не принесут нам вреда.

– Кто там рычит?! Кто дует и воет?! – задавал я вопросы, сжимая рукоять топора обеими руками. – Пусть выходят и будем биться!

Лёш опустил своё оружие и закрыл дверь шумный ход, сделав тем звук тише.

– Шумит генератор. Дует и воет вентиляция. Это всё механизмы, они не живые, их построили люди. Тут нет ничего опасного, успокойтесь.

Мы вышли из тени могучих каменных спин. Глаза, привыкшие к свету многих светил над головами нашими, обратили взор вокруг. Великим было то место, как стены храма древности в Омэй-Гате. Стены, пол и потолок – из гладких каменных плит. Там, где стены соединялись с потолком, в каменных цветах и деревьях невиданной красоты, проглядывались лики людей, тоже каменные. Одна из стен была железной. Скамьи, что стояли у стен, кроме железной, они бы-

ли из ровных, как стрела, досок и изогнутых, как плющ, железных ветвей. Мастера, строившие эти скамьи, точно были богами кузнечного ремесла. А какой был свет! На потолке сияли белым светом выпуклые круги, свет был мягкий и чистый, непрерывный и не дёрганный, он не плясал и не шумел.

Глаза наши снова пришли к безмолвным воинам, что держали потолок.

– Это строители-герои, – подойдя к нам, стала говорить Лен, всё ещё держа в руке слабеющий факел. – Перед великой битвой, положившей начало нашей эры, они самоотверженно строили эту крепость. Они работали, забыв про сон, боль и усталость, чтобы успеть до нападения врага, чтобы сотни тысяч людей укрылись в этих стенах. Их увековечили в камне. Они герои на равне с теми, кто сражался с врагом в последний день старой эры.

– Герои трудились, а вы их покалечили камнем? И кто из нас варвары?! – не понимал я.

Она смеялась: «Нет, не покалечили, а увековечили, значит, оставили о них память на века. В честь них сделали эти статуи, чтобы все знали и помнили, что люди построили эти крепости».

– Так, ошеломлённые, – голос Лёш коснулся наших ушей. Он стоял в маленьком домике с прозрачными окнами, что был у лестницы, – сейчас вон та стена отъедет в сторону. Не орать, не бегать и не стрелять ни во что, очень прошу.

– Что за стеной? – хотел знать Боромир.

– Туннель, – коротко ответил Лёш и ткнул пальцем в стол перед ним.

Что-то лязгнуло, звякнуло, и железная стена со скрипом и шорохом поползла прочь, открывая новое место. Глухим стуком окончилось движение стены.

– Давайте быстрее, горючки хватит ещё минут на двадцать, не больше.

В открывшемся пространстве было углубление примерно по пояс. Внизу шли две железные полосы, такие, по каким ползает Железный червь. Влево и вправо уходил большой круглый коридор с пятнами света в нём. Этот путь совсем не манил, он пугал. Ход напоминал полое нутро змеи или какой-нибудь такой твари. Вдоль тянулись чёрные жилы, сосуды и нервы, а под ними каменные рёбра твари, с той стороны которых натянута железная кожа.

– Тут перегон недалеко и ветка в депо, – с этими словами Лёш спрыгнул на железные полосы. – Демонтаж оборудования ещё идёт, так что рабочие могли оставить мотовоз. Прокатимся.

– Может быть, пешком пойдём? – Женщина положила погасший, но дымящийся факел на пол и осторожно спустилась вниз. – Нас могут оштрафовать.

– Ты моя умница! – Он легко и без страсти поцеловал женщину и вскочил обратно на каменный пол. – Ворота за собой нужно закрыть. Если здешние вылезут на пути, нас с тобой

не оштрафуют, а посадят.

Он ткнул пальцем стол, что в домике у лестницы, и стена стал ползти на своё место. Я и Боромир поторопились выбраться, но человек велел оставаться там, сам он быстрым бегом вернулся к нам. Стена встала на место и отгородила путь назад, оставив нас четверых в полумраке туннеля.

Путь наш был жутким. Иногда мы слышали голоса, Лёш говорил, что это голоса обычных людей, они летят к нам по ходам для ветра. Я всё равно не принимал его слова, мой разум верил, что это не просто голоса.

Светила горели на стенах, освещая круглые стены. На мои вопросы Лёш отвечал быстро, но его слова не давали мне знаний, он не хотел объяснять, или не мог. Наконец я узнал, что есть провода и кабели, по которым бежит Ток и даёт свет, и что есть трубы, по которым перетекают разные жидкости. Мои мысли о том, что это артерии и нервы Живой горы, оказались верными, и понимание того, что это дом и что он построен людьми, стало медленно уводить от меня страх. К тому же Лен и Лёш не боялись, они умные, значит, и я не должен страшиться этого места.

Скоро один путь разветвлялся на два, и Лёш без раздумий выбрал, куда свернуть.

– Ну, не повезло, – развёл руками Лёш, смотря на тупиковое ответвление железных полос. – Нет мотовоза, уехал.

– Всё не так плохо.

Женщина указывала вглубь туннеля, где у закрытых ворот на железных полосах стояла телега. Посреди телеги вырос железный ствол и немного выше расходился на два (дрезина).

– Проехать мост успеем, думаю, на посту сильно не будут против, – Лёш встал на телегу. – Что за мотовоз, что за дрезину нам всё равно придётся штраф платить, но лучше так, чем пешком.

– Монтёры всё равно мотовоз туда гоняют, за одно и дрезину притащат. Договоримся, – Лен запрыгнула на телегу.

Я и Боромир стояли на телеге друг напротив друга, поднимали и опускали железный прут, напомилавший детские качели, где один поднимает другого. Так делать нас попросил Лёш, сказал, что это заставляет телегу ехать и он доверит нам ею управлять.

С наивной детской улыбкой на лицах мы с Боромиром управляли древней колесницей, чувствуя себя достойными обращения с механизмом.

Стук колёс был похож на тот, что издаёт железный червь, но тише и спокойнее. Острова света плавно протекали мимо, встречая, провожали нас. Леш и Лен сидели молча и устало. Впереди, за спиной Боромира, показался полукруг сумеречного света. Лёш опустил рукоять, что у железного ствола в центре повозки. Лёш велел перестать править механизмом. Мы остановились.

– Выйдите через гараж ремонтной бригады, дальше пути отгорожены забором под напряжением, думаю, знаете. Нельзя его трогать.

Лёш открыл незапертую дверь. В темноте что-то щёлкнуло, и под высоким потолком засияли белым светом ровные гладкие стержни. Свет показал этот просторный зал со стенами из кирпича и квадратными колоннами из бетона. В полу зала было выкопано три могилы с гладкими стенами, покойников в них не было (смотровая яма). Местами из пола торчали железные прутья, кто-то срезал остальную часть, срезы гладкие и блестящие. Больше в зале не было ничего.

– Ну, конечно, тут уже всё выпилили. Да... так ещё лет пять-семь и кроме бетона в крепости ничего не останется.

Почему слова Лен печальны? Это не её дом и не дом её друзей.

– Быстрее, не вижу механического подъёмника, – Лёш подошёл к тяжёлым железным воротам, покрытым серой отслаивающейся краской.

Рядом с воротами на стене был приделан жёлтый коробок с двумя крупными точками – чёрной и красной. Лёш надавил пальцем на чёрную.

С тихим скрипом и жужжанием ворота поползли вверх, впуская свежий морозный воздух.

– Спасибо, что выручили, вот, – Лёш протянул Боромиру нечто, похожее на ровные лоскуты ткани. – Сколько можем.

Тут пятнадцать тысяч. Юани. Для этого места очень большие деньги, хватит дом построить. Награда за смелость, так сказать.

Щелчок прервал его слова. Он коротко пожелал удачи, Лен сказала слово прощания. Лёш жестом поторопил, он опасался, что Ток пропадёт и этот проход останется открытым.

Мы шагнули в сумрак под хлопья мокрого снега, наконец смогли вдохнуть полной грудью свежий воздух. Белый свет из зала падал на чистый снег, длинные тени Лен и Лёш ложились на него. Врата опускались, скрывая силуэты. Мы нагнулись, присели... почти легли на снег. Глаза не хотели отпускать божественный свет. Наконец негромкий звук, с каким железные врата опустились на бетон, – и тонкая полоска света растаяла совсем.

Мы немного подождали, всматриваясь в сумеречную синеву, туда, где стальная сеть отгораживала путь железного червя. Раздался знакомый стук. Из пасти туннеля выехали Лёш и Лен верхом на механизме и быстро скрылись в сумеречном снегопаде, только железный звук ещё недолго плутал в сырых корявых ветвях – тук-тук... тук-тук...

ГЛАВА 3

Подземелье карлика

Ночь и следующий день мы провели в окрестностях крепости, пару раз заходили в Харч. Деньги, полученные за помощь, и вправду оказались велики. На тысячу юаней я купил утеплённый изнутри козым мехом стальной шлем с кольчугой для шеи и стальной маской для лица (забралом); новый боевой топор из стали, так как лезвие старого было покрыто сколами и вмятинами, в бой он не годился; купил круглый щит с шипами в центре, таким можно и убить противника. Свой старый топор я решил оставить для памяти, сделать его главным оружием на оружейной стене моего дома, когда вернусь. Для Прибойя и всех диких земель он был хорош, но защита и оружие воинов в новых землях быстро испортили его. Старый щит я обменял на бутылку крепкого зелья.

Дед купил себе высокие тёплые сапоги из оленьей кожи, что не боялись воды, и плащ из медвежьей шкуры с уплотнением из свиной на плечах, тяжёлый, но прочный и тёплый. Он отдал за них немногим больше пяти сотен местных денег. В Омэй-Гате это стоило бы не меньше пяти тысяч медных монет. Арья и Боромир не оценили его покупки и сказали,

что это стоит очень много и что в бою оно не поможет. Сапоги – не броня, а плащ в бою всё равно придётся сбрасывать. Дед в ответ на эти слова говорил, что сырая и ветреная весна страшнее морозной зимы и страшнее любого врага с мечом, с врагом можно хотя бы договориться.

За это время Рота мы не встречали. Я беспокоился за брата, не заблудился ли он в темноте крепости? Спрашивал у людей, они говорили, что видели молчаливого молодого мужа, он то спал у костра в одном из домов крепости, то бродил вокруг внешней стены ночью. Люди обсуждали свежую новость, говорили о разбойниках: «Со скотного двора этой ночью кто-то увёл корову и зарезал старшего сына скотовода, что охранял скотный двор. На лице убитого был такой ужас, будто его коснулась рука самого владыки ада. После снегопада, за полдень, неподалёку в лесу нашли останки животного, кости и внутренности. Следов не было, снегопад помог скрыться этим людям».

Считали, что угонщиков было хотя бы двое, один не успел бы разделать такую тушу и уйти с мясом и шкурой. Я отгонял мысли о том, что это мог быть Рот, говорил себе, – Рот всегда один, но в одиночку он бы не смог это сделать.

Сам поступок меня не слишком тревожил, ведь я с отрядом тоже угоняли скот. Меня тревожило то, что брата поймают и даже могут казнить, здешних законов я не знал, потому боялся.

В Харче за кружкой тёплого вина один человек, что мы встретили на рынке в первый день, рассказал нам о крепости. Оказалось, что в недрах крепости обитают крысы и одичавшие кошки. Заплутавшие в лабиринтах твари потеряли ум от голода и темноты, нападают на людей. Раньше их было много, но теперь остались самые живучие. Но нас больше интересовали другие знания, и человек после очередной кружки дал их нам: «Мастер оружейных дел, Володя, он давно интересуется подвалом крепости – огромное такое пространство. Другие, люди из-за Канала и Синего леса, туда ещё не ходили. Там должно быть много оружия, зарядов, пороха, металлов, батарей и бог знает чего ещё. Наши люди не лезут туда, ищут тут, где безопаснее. Там огромная пустота, в которой легко заблудиться. За годы, что мы тут, там пропало двадцать человек, в основном пьяные герои. Ещё говорят, там живёт тёмная сила, ну, это так... городские байки, вечер за разговором скоротать». И так человек говорил много, говорил, что с этой зимы интерес к подземелью вырос, ведь в крепости уже обыскали почти всё, находки заканчиваются.

Совет наш был недолгим. Рассказы нас не напугали, да и рассказчик явно не хотел нас пугать, скорее наоборот. Мы решили собрать весь отряд и добыть ценности, пока их там много.

Сумерки ещё позволяли видеть. С ясного неба опускался

ся морозный воздух. Мы торопились успеть до темноты. Дед всю дорогу нахваливал свой тёплый плащ и свои сапоги, говорил о том, как ему в них тепло и удобно. Его слова нас не злили, от быстрого хода нам было даже жарко. Мы вошли в деревню старухи Нэа, всё такую же мертвую и тихую. Казалось, мы отсюда никуда не уходили, что землю укрывает всё тот же снег. Полная луна только взобралась на небо, и снег сразу заискрился в её свете. Голос совы сказал – пришла ночь, время не людей, а духов.

– Слышите? – Свобода остановился и прислушался.

Заунывное песнопение со стороны слабого огонька вдаль по улице завывало знакомый мотив, Баллада о Кулаке, куплеты о его смерти.

– Пьяный Ратибор воеет. Красиво, чёрт кабацкий, – дед узнал голос Ратибора, его узнает любой из нашего отряда как бы тот не менял его. – О, а вот и Урумар подвывает, как старый пёс.

Лёгкий морозец, полная луна, а у Нэа печка и еда и... я поторопил остальных.

Щенок собаки залился лаем, увидев нас, чёрная мордочка голосила из-под дома Нэа.

Боромир сидел на заснеженном крыльце босой, в одних штанах и уже не пел, а выл на луну что-то невнятное, но красивое. Урумар стоял за его спиной, оперевшись о дверь, и с понимающим лицом смотрел туда же, куда и боевой то-

варищ – на луну.

– Ой, дикарики! – Старуха выскочила из дома, едва не споткнувшись о Ратибора, и поспешила к нам. – Вы заберите друзей своих, они у меня скоро всё допьют. Хрен с ним, что допьют, скоро всё сожрут! И кур моих, одну уже загоняли, зажарить пришлось. Я бабка добрая, но за такие дела напущу чёрный сглаз – и мечи из рук попадают, и девки больше не посмотрят на них, и деньги в карман не попадут!

– Нэа, мы пришли за ними, – взялся говорить Свобода. – Сейчас уведём.

– Да ладно уж, куда вы пойдёте?! Полнолуния сегодня, ослепли что ли? Дорога к крепости через погост лежит, а в обход далеко. Нечего в такое время по лесу ходить. Кажется, нечистые уже здесь. Я вчера след видела.

Собачонка снова залаяла.

– Ох, дикарики, пошли в дом, ну их, нечистых! – Нэа посмотрела нам за спины, за нами лежала дорога под снегом. – Ой... Батюшки святые.

Страх в глазах старухи, будто почерневших на сморщенном лице, освещённом холодным светом луны. Она стала рисовать в воздухе перекрестье и быстро шептать какие-то слова (Отче наш).

Мы обернулись и взяли за оружие. Ратибор прекратил голосить, свалился с крыльца в снег и, сумев встать только на колени, приготовился биться на кулаках. Быстро протрез-

вевший Урумар взялся за копьё.

Длинная тень тянулась от идущего к нам. Некто, укрытый плащом, без скрипа и усталого дыхания близился к нам. Силуэт широкий, под этим плащом смело могли поместиться два человека. Голова укрыта капюшоном. Луна была за его спиной и не могла осветить его лицо, но две точки мерцали на месте глаз подобно далёким звёздам. Две точки света на совсем чёрном силуэте.

Нэа поспешила укрыться в доме. Она вошла, а на крыльце появился Тио с веслом в руках.

– Эй, стой и говори, кто ты?! – Дед не ушёл за наши спины.

Я опустил забрало и сбросил рюкзак. Боромир прицелился, его рука была тверда.

– Нет, врешь! – неожиданно крикнул Боромир и выстрелил.

Перед самым выстрелом руку стрелка свело и болт утонул в снегу у его ног.

«Я – Рот, тихий Рот». Голос раздался в моей, а как позже выяснилось, в головах у всех. Голос обошёл пространство и появился сразу в наших ушах, громкий, твердый.

– Рот? Сними проклятую маску! – велел я и зашагал к силуэту, развернув топор обухом и собираясь надавать им по рёбрам братцу, чтобы не пугал.

В моём черепе будто поселился рой диких пчёл, он гудел с каждым шагом громче и громче. К жужжащему звуку до-

бавились стоны, крики и требования бросить топор.

Вот я уже близко, я уже могу разглядеть маску под капюшоном. Ор в моей голове стал нестерпимым и перед глазами стали всплывать лики орущих, перекошенных от гнева людей. Я подошёл на расстояние шага, морщась от ужасного шума, который слышал я один. Наконец я бросил топор в сторону. В сознании моём будто грохотала буря, но как только топор упал, выглянуло солнце, вода стала гладкой, а звенящая тишина лечила уши. Даже звонкий обычно раздражающий лай казался весенней капелью.

Рот скинул капюшон и снял маску. На это я ответил размашистым ударом кулака. Рот сплюнул кровь на снег.

– Не ходите за мной. Я найду вас тогда, когда вы решите идти в Омэй-Гат, – сказал он своим ртом.

Из-под его плаща выпали две задние коровьи ноги. Я смотрел на них, понимая, это он...

Весь отряд подбежал ко мне, стали осматривать мясо. Силуэт в плаще бесшумно скользнул за угол соседнего дома, оставив следы на снегу. Я поспешил следом, но улей вновь загудел в голове, а из стены дома, подобно смоле из ствола дерева, вышло бледное мёртвое лицо и по воздуху стало плыть ко мне, не отрывая своих мёртвых глаз от моих – живых. Я отступил и всё ушло...

Странные молчаливые лики взором, не ясным мне, глядели на нас из угла (иконы). Пламя свечи покачивалось, присе-

дало, вытягивалось, освещая неподвижные лица святых, как звала их Нэа. Огонь трещал в печи, сытый собачонка спал у её тёплой стены. Чёрный кот, ночная тварь, ходил вокруг стола, зыряка жёлтыми глазами на то, как мы срезаем мясо с коровьей ноги. Он не рисковал подать голос, ибо знал – старый сапог Нэа пинком под зад вышвырнет его на улицу, холодную улицу.

– Рот всегда был другим, похоже, он обрёл свою судьбу, – слова деда не несли ни горечь потери сына своего сына, ни желание ему помочь. Слова были сухи.

– Хэ, призвание... батюшку Никодима бы сюда, – говорила старуха, – словом божьим он бы выгнал тьму из его души. Ну, или святой водой и розгами, чтобы наверняка.

Боромир поймал её слова цепкими к речам ушами.

– Святая вода? Это яд? Где её взять?

– Ну, дикарики, нечисти – яд, а хорошим людям – помощь. Тут её взять негде. Есть в году всего один день, когда вода во всех реках становится святой. Тогда можно её набрать.

– Скоро этот день? – Боромир желал запастись волшебной водой.

– Нескоро, мальчик мой. Зимы ждать надо. Ты хочешь бороться с тёмными, так это тебе в мою родную деревню надо, за Канал. Те места нужно чистить. Там волки, величиной с быка! Там огромные орлы и вороны, что таскают баранов с пастбищ. Там людоволки, коих нортами кличут, их след

я и видела вчера неподалёку. Но самые страшные – лайоны. Эти ведьмаки – люди на вид: может быть путником, красивой женщиной или ребёнком. Явного зла они не делают, но люди их боятся и к незнакомцам относятся с осторожностью. Чего я рассказываю... за Канал вас солдаты Альянса не пустят, хорошие ребята, не злые, но указ у них.

Мысль о том, что Рот поддался маске, что он может творить злые дела, печалила меня. Я был занят мыслью о брате и не слышал разговоров, молча соскребал ножом мясо с кости. Рот... всегда был сам по себе и мы с ним никогда не ладили, но и не ссорились много. Его будто не было в моей жизни. Чего же я не спокоен, как дед или Боромир? За время похода, за время, что я в отряде, я получил чувство братства. Каждый из нас считает другого братом. Мы вместе бьёмся; вместе пьём на пирах и делим последние капли воды в походе; делим тепло огня и холод лютых снегов; мы вместе орём весёлые песни и воём печальные, как Ратибор сейчас на пороге; брат нашего отряда может и руку подать, и крепко ударить, если надо. Даже Свобода – человек, что привык идти один, тоже был с нами, он – старший брат. Так что же в моей голове засел Рот?! Он не был мне настоящим братом в детстве, не стал никому братом в отряде. Его «сам, один», раздражало деда и даже Арию. Похоже, никому он не был нужен среди нас, как и мы не нужны ему. Вот только зачем тогда он принёс нам мясо?...

Из душевной избы я вышел на крыльцо. Свет луны и блеск снега манили меня и я чуть не споткнулся о Ратибора. Он сидел на ступенях, на этот раз одетый и укутанный в плащ. Посиневшая от холода кисть его не расставалась с зелёной бутылкой, в которой плескался бог веселья Алконак, дышал.

– Дай, – я забрал бутылку. – Согрей руку, руки нужны воину.

– Воину да, а трусу они не нужны.

Голос этого воина, обычно звонкий и бодрый, был похож на голос нищего старика.

– Это кто трус?

– Я, Гор, я... тем утром Урумар был в страхе, и это испугало меня. Я не видел, что видели вы, даже не видел! Теперь сижу и пью, будто я рыба. Эх, рыба столько не пьёт. Ещё рука эта...

– Свобода говорит, все люди боятся. Воин должен победить страх, умный воин сначала должен понять, а потом победить страх. Так сказал Свобода.

– Гор, когда ты начнёшь говорить? Я ничего не понимаю, что несёт этот старик, – Ратибор смотрел на свои сапоги, почти засыпал. – Что там Рот?

– Рот не с нами, – ответил я не думая и отпил из бутылки, разговор мог получиться долгим.

Ратибор хрюкнул, как сытый боров, завалился боком на заснеженную ступень и спросил: «Что отцу скажешь?»

Похоже, он понял мои слова так, будто Рот погиб.

Вот оно! Ратибор, беса сын! Вот что тревожит мой дух – отец. Что я ему скажу? Я путешествую в чужих землях, много не бываю дома, а тут ещё и Рот со мной ушёл. Отец совсем один, тяжело ему. Дом... там Олли, как живёт моя женщина? Носит ли она в себе моего сына?...

– Эй! Не мёрзните тут, – строгий голос Урумара пробудил мой разум от сонных мыслей. – Потасили этого пса на сеновал, Нэа велит ему там спать.

Посреди дороги брошенной деревни, в нескольких шагах от двора Нэа горел молодой костёр. Сонный огонь ворчал и плевался дымом, ему не нравились сырые доски, что были забором соседнего дома. Я, Тио, Урумар, Боромир, Арья и Свобода, ещё был Ратибор, почти спал, и я с Тио помогали ему держаться на ногах. Мы стояли вокруг ленивого огня. Так мы собрались для совета.

Мой, привыкший к уюту, сытый читатель, наверняка ты задаёшь себе логичный вопрос: «Почему бы не обратиться для совета в сухой тёплой избе?» Отвечу я с высоты своего нынешнего ума и понимания людей: мы тогдашние – полудикари, привыкли важные вопросы решать у открытого огня, он был для нас будто ещё один член отряда, не запирает же его в печи или не заставляет голодать кормя его древесной стружкой, сидящего в железной банке. К тому же мы не строили заговор и потому могли говорить под открытым небом,

а не скрываться в избе.

Говорил дед. Его слова вылетали из его рта вместе с клубами пара, что пускался в танец с дымом. Слова не танцевали, они сразу летели в наши умы через уши. Свобода говорил, что нужно идти в подземелье крепости.

– Зачем нам туда идти? – Урумар боролся, он хотел услышать ответ и твёрдое решение. – Для чего, богатство? Мы можем найти богатство в другом месте.

– Урумар, старший и разумный после меня, зачем ты ушёл из родных земель? Богатство мог бы найти и там.

Урумар перемялся с ноги на ногу, промычал что-то и жестом передал слово. Его взгляд, взгляд воина-открывателя вернулся. Ясно, что эти дни, которые он с Ратибором и Тио заливался самогоном у старухи Нэа он думал о крепости и о нашем пути. Вопрос деда привёл Урумара к решению.

– Ну, Гор, зачем пошёл ты?

– Слава. Чтобы говорить то, что потом само будет ходить от человека к человеку. Я слышал истории, но всегда хотел рассказывать их.

– Вот, там история, что никем не рассказана. Ну, а ты, чёрт кабацкий, зачем тебя бес понёс?

– Женщины... битвы... бабы... пиры... жена, бес бы её...

Обрывки фраз Ратибора всё же давали ответ.

– А ты, Тио?

– Гор пошёл, и я пошёл. Чтобы он не забрал всю славу себе.

– Воительница, зачем ты пошла с чужеземцами?

– Мужчина. В землях варваров нет достойных мужей, – поймав взгляд Тио, она добавила шутя: «Если не найду мужа в этих землях, найду женщину».

– А ты, травника сын, твоя семья искала покой.

– Они нашли. У меня своя дорога, тёмная, но идёт к свету.

– Ты бард? – заметил Тио – Будешь петь нам в подземелье.

Совет был окончен без решающего слова. Все стали шутить над Арьей и Боромиром и, оттащив Ратибора на сеновал, ушли в избу. Угрюмый костёр, шипя и дымя остался жевать сырые доски в компании луны и искрящегося на дороге снега...

Поздним утром мы покинули дом Нэа. Старуха хоть и была рада нашему уходу, всё же заметила, что кот и собачонка хорошие слушатели, но плохие собеседники.

Идя через лес, короткой дорогой, мы надеялись найти след людоволков о которых рассказывала Нэа. Собаки, лисы, лошади, бараны, люди, кто только тут не проходил, но людоволков не было. Урумар сказал, что Нэа, как и всякая старуха любит приврать.

Подножье крепости укрылось дымом, жгли мусор.

– Нам нужен уродец, что призывает свет, где он? – Свобода понимал, что факелы дают мало света и горят недолго, к тому же у нас теперь нет ни масла, ни жира для них.

– Факел всё же нужно брать, уродец не надёжный, – Уру-

мар подтянул рюкзак. – Нужно разгрузить наши рюкзаки, спрятать еду и целебные снадобья.

– Пойдём, у меня есть тайник, – По виду Ратибора было ясно, дурманящий дух терзал его тело требуя крепких зелий, но тело уже не хотело пить.

Когда замутнённое пеленой солнце клонилось к стороне заката, мы, пропахшие запахами рынка, вошли в крепость. Наши рюкзаки были пусты, как хорошо спине! Мы оставили только воду в бурдюках, еду, вещи, спальные мешки и прочее оставили в тайнике Ратибора в который вёл круглый ход в земле леса недалеко от крепости (люк). Деньги мы всё же оставили у себя, дед не доверял их тайнику.

Люди в крепости куда-то торопились. Судя по их речам, они спешили на интересное событие. Мы решили, что уродец может подождать, а событие – нет.

В толпе людей мы уходили вглубь города, в самую чащу леса из железа и бетона. Вскоре мы вышли к просторному месту, где был свет многих светильников – факелов, фонарей и ламп. В любом другом месте я бы сказал, что тут темно и видно плохо, но после пути по улицам в полумраке, это место казалось светлым. Очертания людей и объектов видны и ладно, в этом городе того достаточно...

Жёлоб шириной примерно в тридцать шагов и глубиной примерно в три роста Урумара (приблизительно шесть метров), уходил в темноту улиц крепости. Люди собрались у на-

чала этого жёлоба (Канала), у стены из которой выходил широкий круглый проход в темноте которого едва виднелись закрытые ворота (шлюз для сброса воды). Люди собрались по краям пустого жёлоба, с нетерпением ждали чего-то. Наш отряд протиснулся в толпе и вышел к самому краю. За чугунной оградой лежал жёлоб. Ворота в тёмном круглом проходе наводили тревогу, было ощущение, что они сдерживают некую могучую силу.

– Чего столпились? Чего тут? – Уродец, что был нужен нам, расталкивая людей вышел к жёлобу в десятке шагов от нас.

– На третьем этаже трещина в стене водохранилища ещё разошлась и вода пробилась на этаж, – ответила ему немолодая женщина. – Воду будут сбрасывать чтобы...

– Сюда?! Бараны, экстренный сброс в Неплююку надо, в коллектор!

Карлик, стал всех расталкивать, пробиваясь к мосту через жёлоб. С той стороны на мост вышел высокий и тонкий человек в лохмотьях и с чёрной повязкой на глазах, он простукивал дорогу перед собой тростью, похоже, он был слеп.

– Аркаша, сука, вот ты где! – Уродец выбежал на мост. Он потребовал от слепца идти на его смену, делать свет, потребовал такими словами, что я не стану повторять их в тексте.

Аркаша тоже ответил руганью и хлёстким ударом трости. Слепец и карлик стали драться – толкали друг друга, пинали. В толпе прокрался смешок, но никому не был интересен их

спор.

– Я хочу почувствовать силу, вдохновение! – Слепец дал карлику точного пинка, будто видел его.

Раздался пронзительный звук (сирена), люд оживился в ожидании зрелища. Уродец оставил спор и побежал куда-то. Аркаша встал посреди моста, повернувшись в сторону круглого прохода, расправил руки.

Брызги и струи воды вырвались из врат и быстро выросли в единый ревуший поток. Поток был настолько велик, что заполнял собой весь круглый проход и сразу не ложился в жёлоб, он летел, затем касался дна жёлоба рядом с мостом и за мостом вздымался бурлящей волной. Водяная пыль и брызги окатили нас, воздух и всё вокруг, казалось, дрожит и трепещет в страхе и при том в изумлении пред силой воды! Вдруг поток стал тоньше, но летел он ещё дальше, накрыв собой мост. Таким он был пару мгновений, затем стих и совсем исчез.

Слепец, будто вдавленный в ограду моста, мокрый и расстрёпанный, в восторге вскочил на ноги и во всё горло заорал, расправив руки: «ДА!» он прыгал и кричал радостно, трости его не было, похоже, поток вырвал её из его рук. Толпа тоже гомонила, кажется, такой шум и сила есть редкое событие в этих тихих стенах.

– Скоро в Харче запоют новые песни, – сказал человек стоявший рядом со мной, глядя на Аркашу.

Слепец, шаркая ногой по мосту, искал трость, но он быст-

ро оставил это занятие, махнув рукой. Едва касаясь концами пальцев ограды моста, он быстро и уверенно зашагал прочь.

Ещё долго мы говорили с людьми, наблюдали за ними и за тем, как вода уходит, оставляя жёлоб пустым. Толпа не спешила расходиться, ведь за стенами уже вечер, а тут собрались многие, можно послушать новости и поделиться ими. Спустя время, без страха, что был раньше мы шли по улице города, что покоился в вечной ночи. К дому Харч можно было пройти быстрее, в темноте между домами, как ходили все, но мы выбирали светлый и ясный нам путь.

Уродец Тсяпа снова сидел всё на той же перекладине и ногами крутил колесо. Большие глаза его сквозь толстые стёкла на них вглядывались в полумрак улицы, цепляли проходящих мимо, они будто искали кого-то. В бороде запутались объедки, длинные грязные волосы были похожи на верёвки, жёваные собакой. Горбатое существо в лохмотьях, с бледной кожей, злыми большими глазами, оно пугало нас, но не как враг. Нам не хотелось стоять с ним близко, но уродец делает свет и это нужно нам.

– А... дикари, – выцепив нас взглядом, он хлопнул в ладоши. – Мать! Мамаша, неси пойло, дикарики припёрлись! И мне неси, моя смена окончена! Аркаша, мразь, опять опаздывает, ленивый чёрт. Просто так света не дам! Да будет тьма, что б вас!..

Он перестал крутить ногами, сложил руки и сидел улыба-

ьясь жёлтыми зубами. Свет не исчез и тьма не пришла. Мамаша, хозяйка дома Харч, вышла и стала хлестать уродца тряпкой, как нашкодившего пса.

– Что, не ожидал? Я аккумулятор купила, так что твои выходки, ангелок недоношенный, не прокатят. Пошёл к чёрту! – Она ударила уродца тряпкой так, что он свалился с перекладины. – Жду двадцать минут, не придёт Аркадий, этот недопоэт пропитый, будешь ты работать, а нет, вали в свою клоаку! Больше работы не получишь.

– Крутить не буду! – Он встал перед ней, сложив руки на груди в своей манере.

Маманя нагнулась к самому его лицу. Стоя так, эта крупная женщина стала похожей на медведя.

– Эту лампочку, я тебе в задницу вкручу и за твой поганый язык на столбу тебя повешу. Свет в Харче будет!

Она ушла, а уродец с печалью на морде сел у стены.

Выслушав нашу просьбу о свете, Тсяпа скорчил рожу в ухмылке.

– Вы думаете, я буду вам помогать? Не интересно. Какая плата мне?

– Твоя жизнь, – Усталый от похмелья Ратибор сел перед Тсяпой.

– Она у меня есть, дашь вторую?

– Ты тупой человек, я отберу у тебя эту.

– Не получится, на мне лежит проклятие, – Он стал го-

ворить тихо и мы все наклонились, чтобы слышать его. – Я не умираю от старости, моё тело больно и уродливо, но меня нельзя убить. Если ты, дикарь, убьёшь это тело, то мой дух станет жить в твоём и выгонит твой дух, а твоё тело начнёт болеть и скоро станет таким... давай, избавь меня от этого карлика, дай опять немного пожить в сильном теле, что нравится женщинам.

Ратибор в испуге отступил. Конечно, карлик врал нам и на нём не лежало проклятие. Ум, что становился сильнее за время путешествия, догадывался о лжи этих слов, но всё ещё властвующая первобытная душа испугалась их, верила им.

– Хорошо, – выражение лица Свободы говорило, что он спокоен и придумал выход. – Жизнь у тебя есть и её не отнять. У тебя нет свободы. Твое тело слабое, речи гнилые, а ум мал. Ты принадлежишь хозяйке Харча, ты её раб, я это вижу.

Свобода вошёл в таверну Харч. Не долго он там пробыл. Уродец сидел на земле, прислушиваясь своими большими дырявыми ушами.

Наконец дед вышел.

– Арья, вяжи. Я купил его у Мамаши всего за сто юаней.

– Чего?!

Уродец собрался бежать, но Арья свалила его ударом ноги по рёбрам, села сверху и, продев в дыру на мочке правого уха (туннель) верёвку, завязала её.

– Моё, – с наслаждением произнесла она, потянув верёвку и подняв тем уродца на ноги.

Мамаша выглянула из прохода Харча, улыбнулась, глядя на растерянного Тсяпу и зачем-то моргнула одним глазом (подмигнула)...

Сырые бетонные ступени вели нас всё вниз и вниз. Тьму разгонял белый свет неясного нам устройства в руках Тсяпы, идущего впереди нас. Луч этого света уходил вперёд, но скоро уставал, и тогда уродец, ворча ругательства, крутил ручку на устройстве, она жужжала, как оса, и свет снова становился сильным.

Мы спускались. Вонь от уродца смешалась с холодным запахом сырости и гнилого дерева.

– Вы хотя бы понимаете, что нужно брать и продавать? Там много всего, но совсем не всё то можно продать, – меня вопрос карлика поймал, будто паук муху. Что мы там будем искать, как оно выглядит?! – Вы же знаете, туда спускались немногие, а вышли всего несколько человек. Остальные и сейчас там лежат, крыс кормят. Лучше давайте назад и меня отпустите.

– Нет, – Арья дёрнула верёвку так, что чуть не оторвала ухо Тсяпы.

– Ты, мужеподобная баба! Не смей, я не пёс! Тсяпа вам оплатит...

Мы остановились на небольшой площадке. По правую ру-

ку лестница уходила дальше вниз, по левую – была распахнута железная дверь, прямо уходил в темноту мост из железной решётки.

– Идём в дверь, узнаем то место, – так желал Свобода, нам тоже было интересно.

Эта комната была совсем небольшой, все мы в ней не умещались. Стены, пол и потолок были с большими окнами, они состояли из окон. Окна в полу были закрыты толстым стеклом, что могло держать на себе взрослого мужчину, но я всё же встал на толстую железную балку, ей я верил больше. Остальные окна не были ничем закрыты. В комнате был трон, мягкий и удобный. Под троном пол был железным, и из него торчали рукояти тупых мечей (рычаги), перед троном – полукруглый стол. На столе – то, что называли кнопками, и одна гладкая чёрная доска (экран). Странное место (кабина управления кран-балками).

Ратибор выглянул в окно, в пустую черноту. Где-то далеко текла вода, она падала на бетонный пол.

– Стена водохранилища... надеюсь, внизу уже затопило и вы никуда не пойдёте. Даже если нет, то я не хочу идти, – уродец погрузился в трон и погасил свет. Послышалась возня. – Сейчас и посмотрим. Аккумуляторы, может быть... сыро... хрен с ним, поехали!

Щелчок – и яркий луч света разрезал тьму. Светило было под комнатой (прожектор).

На лице Арьи я заметил эмоцию, отличающуюся от наше-

го детского удивления, лицо было немного другим. Мы удивлялись явлению, а она – причине явления.

Тсяпа изверг своим ртом такие мерзкие ругательства, что смутил даже Ратибора. Бетонный пол далеко внизу был сух, и это расстроило уродца – идти придётся.

Тсяпа важно сидел на троне и водил из стороны в сторону рукоятью одного из мечей, вместе с этим луч света бродил в пустоте и едва доставал до толстых колонн и потолка, под которым была паутина из кабелей и труб, эти названия я невольно произнёс: «Кабели... трубы... много».

– Там сухо, идём, – Свобода был нетерпелив в этот раз.

– Водохранилище занимает половину этого подземелья, ты представляешь, сколько в нём воды? Ты представляешь, с какой силой она давит, старый пёс?! Если в его стене трещина, это жопа! Ты видел воду сегодня. Это сделали потому, что на третьем этаже стена этого водохранилища треснула и в трещину попёрла вода. Внизу давление сильнее и если треснет тут, поток сразу сделает из трещины дыру. Я вниз не пойду. Вот как спустит кто воду хотя бы наполовину от того что есть, тогда да, а так – нет, – Тсяпа опять сложил руки на груди в своей манере.

– Арья, держи верёвку, – я взял уродца под руки, спиной к себе, и высунул в окно. Луч шёл прямо, не касаясь ничего, и Тсяпа оказался над, казалось, бездонной дырой. – Я отпущу тебя. Твой дух в меня не вселится, когда ты умрёшь, по-

тому что убьёт тебя высота.

– Тупой варвар, богов не обманешь!

– Тогда мы повесим тебя за руки и пойдём сами, а ты будешь криком подавать сигналы, чтобы мы не заблудились. Если не будешь, мы заблудимся, а ты так и будешь висеть пока не сохнешь.

– Хорошая идея, Гор, – сказал Тио. – Как работает его свет, мы поняли, сами сможем.

Я устал держать уродца и втащил его обратно.

– Нет, вы, свинорукие, сломаете устройство. Ладно, пойду с вами. Фонарь тут пусть горит, ориентиром будет.

Белые точки плавали в луче света. Темнота и сырой холод наполняли подземелье, краёв которого не было видно. Скоро пришло ощущение, что это совсем не подземелье, а другой мир. Мир, в котором всегда ночь и бетонные стволы деревьев, что наш отряд не сможет обхватить, уходят в вечно чёрное небо. Мир, в котором не поют птицы, только кто-то воет далеко над головой. В этом мире нет ничего живого, даже растений – ни дерева, ни травы, ни даже мха! Казалось, это мёртвый мир, но почему-то не уходило сильное ощущение, что кто-то наблюдает за нами, он где-то в темноте, куда не достаёт луч устройства... многорукий и чёрный... почему именно такой страх в моей голове?..

Мы шли всё дальше и дальше. Железные полосы... их много на этом полу! Между некоторыми колоннами стояли

стены из кирпича, мы обходили их.

Перешагивая через трубы и железные полосы, мы пришли к железным червям. С молчанием они тяжело смотрели на нас. Хоть мы и понимали, что это механизмы и без человека внутри они ничего не могут делать, первобытный дух был напуган и жалобно скулил в груди, молил идти назад.

Рядом с червями стояло много ящиков, лежали железные балки и брёвна, бетонные плиты и кольца, трубы, в которых мог стоять человек. Всё это по кусочку выхватывал луч света, что пускал уродец своим странным устройством.

Мы сворачивали, обходили, перелазили – снова пугающая пустота, что съедала звуки наших шагов.

Охваченные удивлением, мы не понимали, что нужно брать, да и забыли про то, а когда вспомнили, вокруг уже ничего не было. Угольная чернота, остров освещённого бетона под ногами и звук воды, разбивающейся о камни где-то в дали.

– Где ориентир? – забеспокоился дед и тем поселил тревогу и в наши умы.

Темно. Мы даже не заметили, как погас тёплый свет фонаря наверху. Идти назад, а куда это, назад?..

– Наверное, аккумулятор сдох. Странно, что он вообще не развалился от сырости за эти годы, – свет в руках Тсяпы стал угасать, он больше не хотел гореть, хоть уродец крутил ручку. – Что, всё?! Вошь!

Под жужжание ручки и ругань Тсяпы свет медленно умирал, оставляя нас без своей помощи.

– Давай-давай! – Ратибор просил устройство, но тьма уже стала пожирать лицо воина.

Последняя капля света угасла на бородатой морде Тсяпы, следом утих жужжащий звук.

Немного времени мы стояли неподвижно, и только журчание воды вдали было звуком.

– Зажгу чашу, не зря купил, – прозвучали слова деда.

Чиркнуло. Искры встревожили глаз, начавший привыкать к полной тьме. Наконец яркий огонь подарил свет. Он горел над тонкой трубкой, выходящей из железного сосуда. Света немного, но он есть.

– И без твоей штуки обойдёмся, – Арья дёрнула верёвку. – Где он?

Конец верёвки лежал на полу обрезанный.

– Отрезал, сукин сын, – Тио сжал кулаки. – Подойди сюда! Трус, мы тебя найдём.

– Оставьте это. Света у нас немного. Давайте искать ценное и выход, – Свобода был спокоен. Маленький живой огонь в руках может каждому дарить покой.

Мы нашли стену, пройдя много шагов в пустоте. Серая гладкая стена: идти вдоль неё – и мы придём к выходу, так мы решили. Шли быстро. Наш ход остановили они, те лю-

ди, что спускались в подземелье до нас и не вернулись. Два мёртвых тела лежали у стены, лицо и кисти рук объедены до костей. На обоих телах одежды в области живота были разорваны, в сыром кровавом месиве тряпок что-то шевелилось и пищало. Крысы.

– Пойдём-пойдём, – поторопил дед и поспешил уйти вместе со светом подальше. – Они нас почуяли. Держимся плотно. У них тут мало еды...

Стена свернула, на миг оставив нас опять в пустоте. Мы обернулись: крысиный выводок преследовал нас, они испугались света и скрылись в родной для них тьме. Они скрылись, но не оставили нас. Погасни свет и я уверен – десятки лапок тут же побегут по нашим телам, зубы вцепятся в пальцы, щёки и шеи.

– Это не та стена, мы внутри, а не у края, – в словах деду была печаль. Мы много времени и света потратили, так и не найдя ориентир.

Шагали быстро, почти бежали. Шорох когтистых крысиных лап следовал за нами в темноте. Нужно найти крайнюю стену, в ней точно будет ход наверх.

– Стойте, кто это? – Тревога Арьи передалась нам. Все невольно взяли за оружие.

Из темноты на нас смотрели два зелёных круглых глаза. Они были высоко над полом. Такого высокого зверя нет. Судя по тому, как высоко глаза, рост существа – выше роста

Урумара. Огромен.

– У людей не светятся глаза в темноте, – шепнул Боромир и упёр приклад арбалета в своё плечо. – О нём говорил уродец?

– О высокий, кто ты? Дай нам видеть тебя. Мы пришли с миром, – как и всегда, дед заговорил с незнакомцем. – Мы путники и заблудились тут.

Молчание. Оно сделало шаг назад.

– Если ты без злых мыслей, говори с нами. Если ты зло, мы будем биться! – Ратибор встал в боевую стойку. – Показался нам, так говори!

– Дурак, – схватился дед за голову одной рукой.

Оно повернулось к нам спиной, и глаза незнакомца стали не видны нам.

Просьбы деда к существу поговорить с нами ни к чему не привели.

Прошло много времени. Мы нашли открытые ворота и большой дом за ними. Вошли во двор. Печальный дух бродил среди этих толстых стен, он будто смотрел на нас из маленьких окошек с решётками. Наш огонь был мал, и мы не видели многого, но чувствовали, что место это пропитано печалью и злом. Мы вошли внутрь дома. Длинный коридор и много железных дверей. Решётки. Наверное, тут держали лютых зверей, зачем в коридоре столько решёток?!

Мы свернули раз, затем ещё. Некоторые железные двери

были открыты.

– Жилища, – сказал дед, увидев за одной из них то, что звалось кроватью (нары), стол и отхожее место. – Уютно. Только от кого они прятались за этими решётками, за такими дверями?

Наконец мы вышли наружу, как нам показалось. Пройдя немного, мы поняли, что вокруг глухие стены и вход сюда один. Похоже, это двор. Простые деревянные скамьи; перекладины для развешивания шкур и подвешивания туш (турники); небольшие колёса на оси (штанги); много странного (тренажёры и спортивный инвентарь).

Лязг и громкий железный удар напугали нас всех. Знакомый смех с хрюканьем. Тсяпа!

– Тсяпа вам говорил, не злить, не обижать Тсяпу! – его голос отражался от стен и звучал до боли в животе страшно. Засранец специально говорил таким голосом, издевался.

Мы поспешили к выходу, но тот был закрыт толстой решёткой, через десяток шагов по коридору ход перекрывала вторая такая же, и за ней стоял уродец, направив луч света своего устройства на свой бородатый подбородок, отчего его лицо делалось жутким, а отражающие свет стёкла казались глазами мертвеца.

Перебивая друг друга, грозно мы требовали выпустить нас, чтобы мы насадили уродца на копьё и запустили его далеко во тьму.

– Тихо! – властный голос Свободы заставил всех нас за-

молчать. – Что ты хочешь, Тсяпа?

– Молчи. Вы останетесь тут и станете думать, а я уйду. Вы не сможете выйти, стены высокие, а решётки... они открываются и закрываются вместе, это один механизм, но открыть проход можно только с моей стороны. Попробуйте, дотянитесь.

– Выпусти нас, и мы дадим тебе деньги, – предлагал Свобода.

– Я терпеливый. Я знаю, что деньги у тебя, много денег. Я подожду, пока вы тут умрёте, и тогда заберу их. Кстати, крысы голодают и ждут. Не ложитесь спать все разом. Проснётесь без глаз.

Он посмеялся, но не настоящим смехом, и ушёл во тьму.

– Стой! А кто был с зелёными глазами?! – спросил я.

Тсяпа вернулся.

– Какими глазами? Дикарики, я вам байки рассказывал. Тут, кроме крыс, меня и вас, больше никого нет. Ещё, как бы вы ни орали, наверху ничего не слышно.

– Мы видели зелёные глаза, оно высокое и бродит где-то тут. Оно ходит тихо и на свет не выходит, – дед пытался говорить мирно и спокойно. – Тсяпа, у тебя хороший свет. Я понял, ты знаешь, где выйти; у тебя есть свет, а мы можем биться. Выведи нас, а мы в пути защитим тебя. Когда выйдем, мы просто уйдём из этих земель.

– Не интересно, лучше сдохните побыстрее. На ваши деньги куплю у Мамаши лучшее пойло и куплю девку

на ночь. Ещё одежду куплю себе, и обувь, и ещё куплю...

В темноте коридора за спиной уродца появились две зелёные точки. Глаза! Они почти под самым потолком, какое оно высокое!...

– Вон они, глаза! – крикнула Арья, указывая пальцем за спину уродца.

Тсяпа от испуга подпрыгнул, уронил устройство на пол и сам упал на задницу.

Трясущимися руками он схватил фонарь, осветил вдаль по коридору. Уже никого не было. Уродец встал, посмотрел на мокрые штаны и лужу под собой. Мы не удержались от смеха, Ратибор и вовсе смеялся так, что не мог вдохнуть.

– Мерзкая ты баба! Смешно тебе? погоди, не умирай, ты будешь моё, угомонишься и будешь моё, хоть и уродина ты.

Тсяпа, злой, поспешил уйти. Все, кроме Ратибора, прекратили смех и припали к решётке, вглядываясь.

– Оно правда там. Выпусти нас, сам не отобьёшься, – попросила Арья без смеха.

Уродец ответил грязными словами и исчез за поворотом.

Звуки ударов, крик и ругань сменились тяжёлым дыханием. Мокрые от пота, с печальными разбитыми лицами мы разошлись по разным сторонам. Жаркий спор о том, кто виноват, ни к чему не привёл.

Дед, что не участвовал в драке и споре, сидел у дымящего костра, боевым топором раскалывал доску на толстые щеп-

ки.

– И что толку? – заговорил дед, когда все стихли. – Битые рожи, вот и всё. Зачем силы тратили? У нас нет еды и воды не много, а мало, всё Ратибор.

– Всё Урумар, он сказал еду в тайнике оставить, – отозвался Ратибор в тёмном углу.

– Какое капризное дитя, дымом плюёшься и только, – Свобода аккуратно положил в угасающий огонь щепок. – Еду мы оставили зря, но нам нужно было место в рюкзаках. Дерево тут скоро закончится, а огонь голодать не станет, он уйдёт.

– Надо искать выход, – сказал я, встав.

– Чего его искать, вон он, – Свобода указал на решётку. – Пока вы дрались и винили друг друга, я осмотрел это место. Сами мы не сможем выйти, никак.

– Что ты говоришь? Мы не сможем выйти? – Арья теряла едва пришедший покой. – Я не боюсь врага, с которым можно биться, но место... тут нужен ум, так что думай, старик!

– Нужен уродец, только он может выпустить нас, – дед подложил в огонь ещё щепок и жестом призвал всех собраться у огня. – Тсяпа не хочет нас выпускать, хочет ждать нашей смерти, но он всё равно придёт раньше неё, чтобы посмеяться. Нужно ему пообещать что-нибудь, что он сможет получить, только если выпустит хотя бы одного.

– Что мы ему можем дать? – пытался вспомнить Ратибор. – Деньги у нас, а ценного в тайнике ничего нет.

– Пообещаем больше денег и боевого коня, что спрятан у Нэа.

– Свобода, когда вы купили коня?! Я так долго пил? И почему раньше не говорили о нём?

– Ратибор, будь хотя бы немного умнее, почему такой тупой?! У нас нет коня и денег больше нигде не спрятано. Почему вам всё надо разжёвывать?!

– Свобода задумал обман, – Урумар не был доволен.

– Это хитрость.

– Хитрость для охотников, обман для торговцев. Я воин, у меня есть честь.

– Я не воин, – просто ответил дед.

– И я не воин по закону Прибойа, – поднял руку Тио.

– Я тоже не воин, да и порядки в Омэй-Гате другие, – так Боромир согласился со Свободой.

– Вот и решили. Вы, воины, молчите, когда придёт Тсяпа, так и обмана на вас не будет.

Я тоже не видел в задуманном обмане ничего плохого, ничего, что могло бы уронить честь воина. Всё же я промолчал, ибо мнение боевых товарищей обо мне было хорошим и я не хотел его менять, всё равно всё решили.

Не знаю, сколько прошло времени, но мысли о еде всё увереннее занимали мою голову. Я ходил кругами по двору. В свете разгоревшегося костра стала видна вся непробиваемая сила стен, вся их высота. Над стенами чёрной ночью зи-

яла пустота подземелья, но подняться к ней было невозможно.

Как и в дозоре ночами, сменив товарища, сейчас мою голову заняли мысли о доме, об Олли, об отце, что остался один. Эти мысли занимали меня и в дозоре, и сейчас. Вспоминались морские волны и крикливые чайки; бубнёж шамана в его лачуге; вечерние страшилки для детей о страшном Гогото... сразу вспомнился Тсяпа. По описаниям старух, Гогото выглядит примерно так.

Шум и стук открывающейся решётки пробудил меня от мыслей о прошлом. Все мы схватили оружие и поспешили к выходу, и только дед велел остановиться, но мы уже стояли у открытого прохода. Дальше мы не шли – не решётка, но нечто удерживало нас на месте своим взглядом...

Свет костра не проникал в проход, там властвовала тьма подземелья. В той тьме, видимые нами не впервые, но оттого не менее пугающие, слабо горели зелёные огоньки глаз.

Свобода подошёл к нам. Кажется, он ждал кого-то другого, глаза удивили его.

Слабый белый свет возник в руке незнакомца, осветив кисть в перчатке и край рукава из плотной серой ткани.

– Идите за мной, я приведу вас к выходу, – голос был молодым, вполне человеческим.

– Кто ты и зачем помогаешь нам? – спросил Урумар.

– Вы будете беседовать или мы пойдём? Кто я, вам знать

не обязательно, думаю, мы больше не встретимся. Помогаю, потому что могу. Так, или идите за мной к выходу, или я пойду один, а вы идите сами.

Он развернулся и пошёл прочь, только маленькое пятно слабого света выдавало его.

– Идём за ним, оружие держите наготове. Разберите ко-
стёр, возьмите головни, – так решил дед.

Идти за незнакомцем было страшно, и чувство опасности всё усиливалось, но все мы понимали, что пройти сквозь всё подземелье напрямик нельзя, и поэтому сами мы заблудимся. К тому же запасы воды у нас почти иссякли. Та вода, что течёт где-то далеко во тьме, может оказаться не пригодной для питья, ведь Лёш и Лен умирали от жажды, но воду, преградившую им путь назад, не пили. Этими мыслями я призывал к себе уверенность в том, что решение деда – лучшее, что сейчас может быть.

Головни почти не давали свет, только дымно тлели. Держа оружие наготове, мы следовали за пятном света, такого слабого, что даже не освещал ног незнакомца. Мы держались на расстоянии пары десятков шагов от ведущего нас, из-за чего иногда теряли его, когда он сворачивал за какую-нибудь стену. Мои глаза болели от напряжения и слезились от дыма, исходяемого тлеющей головнёй в моей левой руке.

Все шли молча. Мне казалось, что незнакомец не выводит нас, а наоборот – заводит вглубь. Я не помнил проходимого

места, впрочем, это всё моя тревога. Как я могу узнать место, которого не вижу?! Всё, что я вижу, – это несколько тлеющих огоньков рядом и одно пятно белого света впереди. Мы стали спотыкаться и падать – пути железного червя...

– Станция, – раздался голос незнакомца. – Я вижу, вы ничего ценного не нашли, не поняли. Вот оно, в ящиках.

Слабый свет в руках ведущего выхватил угол деревянного ящика.

– Складываем костёр, – велел Свобода и положил тлеющую палку на железную полосу.

Все положили головни, что несли. Проголодавшийся огонь, слабый и сонный, стал охватывать сложенное для него гнездо, ворча и дымя, злясь на нас, моривших его голодом.

В свете костра стали видны стены из деревянных ящиков. На каждом ящике был изображён символ, такой, как мы видели на флаге древних людей в Доме древности Омэй-Гата – красная трёхконечная звезда и белая буква «А» на ней. Ещё были буквы и цифры, которые ничего не говорили нам.

Ящики не были заколочены, крышки легко снимались. Внутри была солома, а в соломе лежало нечто, о предназначении чего мы не догадывались (детали оружия, автоматов, винтовок, пистолетов. В каждом ящике было лишь по одному виду деталей).

– У меня нет времени ждать вас. Я иду к выходу. Пусть кто-то пойдёт со мной и разведёт у выхода огонь для ориен-

тира.

Все переглядывались, никто не хотел один идти с незнакомцем.

– Я пойду, – Арья взяла небольшой ящик с тонкими стенками, выбросила лежащие в нём детали на пол, оставив солону. – Веди.

Снова меня удивила смелость воительницы.

Разбив несколько ящиков, мы разобрали их содержимое по рюкзакам, а ящики бросили в огонь, попросив у него больше света для нас.

– Украшения, продадим их в Омэй-Гате, – я разглядывал то, чем мы наполняли рюкзаки. – Золото...

Разве мы могли знать, что это?!...

Мы переносили ящики к выходу, туда, где свет костра создавал островок во тьме.

– Нэа говорила правду про людоволков, – говорила Арья, когда мы в очередной раз проходили мимо клочка сырой земли, в которой отпечатался странный след, что-то среднее между человеческим и волчьим. – Это был он. Почему он помог нам?

– Понять бы сначала, зачем он был в этом подземелье. Зло. Нужно готовиться, – Свобода был уверен, что ничего не совершается просто так.

Устав до боли в руках и спине, мы подкормили огонь сломанным ящиком и сели отдыхать. Дед пересчитывал прине-

сённые ящики и короба.

– Четыре десятка и два, – закончил он счёт.

– Ещё украшений много в рюкзаках. Все похожие на... больше, меньше... у древних не было фантазии? – Ратибор разглядывал одно из украшений (патрон в железной гильзе золотистого цвета). – Это точно золото? Если бросить в огонь, оно расплавится?

Ратибор бросил украшение в жаркий огонь и стал смотреть. Мы все сели рядом с ним...

Грохнуло так, что зазвенело в ушах! Костёр плюнул искрами и пеплом в нас за то, что подбросили ему это. В ужасе и смятении мы отбежали подальше, спрятались за ящиками. Я не слышал ничего, кроме стука своего сердца и шума крови в артериях. Я долго не мог унять дрожь.

Некоторое время мы провели в укрытии, молча переживая страх и ожидая второго хлопка, но его не было.

Дед велел Боромиру пойти и посмотреть в огонь – сгорело ли проклятое украшение?

Прикрываясь моим щитом, Боромир подошёл к огню, готовясь в любой момент бежать.

– В огне ничего нет, – он опустил щит.

По настоянию Ратибора, желавшего получить больше золота, мы принесли ещё несколько ящиков. Едва мы решили начать поднимать их наверх для продажи, как на лестнице послышались шаги нескольких человек. Оружие с готовно-

стью биться легло в наши руки.

– Мы не враги, это я, Володя, – раздался голос из прохода.

– Не знаем такого. Уходи, – повёл разговор дед, но говорил жёстко, не как обычно в похожих случаях.

– Оружейник. Вы бы всё равно меня искали. Мне сказали, что вы нашли много оружия.

– Ты не один.

– Конечно, а ты, мудрец, пошёл бы один на такую сделку?! Я хочу купить у вас находки и привёл людей, которые помогут мне поднять их наверх. Вы и так уже много носили, устали.

– Выходите на свет.

Дед и Боромир встали на ящики, их арбалеты были нацелены в темноту прохода. Я опустил забрало шлема и вышел вперёд, держа перед собой щит, чьи шипы смотрели в темноту, на невидимого противника. Остальные стояли позади меня.

Трое вышли к нам, показывая пустые ладони. Один был стар, больше сорока лет на вид (для диких земель это много), бледный, покрыт морщинами, тонкие стёкла на глазах (очки), из оружия у него только висящий на поясе странный предмет из куска дерева и трубы (пистолет). Двое, что с ним, молоды, облачены в тяжёлую броню из чёрного плотного материала (автомобильных покрышек), их оружием были длинные боевые топоры, висящие за спинами (секиры).

– Ну... мы будем торговать или друг друга оружием пу-

гать?

– Мы возьмём за это много денег, – дед говорил, не опуская арбалет. – Если у тебя нет денег, говорить не будем.

– У меня есть деньги. Тысяча юаней за всё вас устроит?

– Два топора твоих помощников у кузнеца будут стоить три сотни юаней или две сотни рублей. Подумай над ценой ещё раз.

Дед раньше не вёл дела, говоря таким тоном. Похоже, он решил, что может заставить торговать по его правилам.

– Они стальные, так что немного дороже, но не суть. Вижу, вы разобрались в местных ценах и деньгах. Простите. Дам вам за всё десять тысяч юаней и тысячу рублей, это всё, что у меня есть.

– За эти деньги отдам половину.

– Мне нужно всё. Почему так дорого?! Мы не с того начали, поторопились. Что вообще в этих ящиках, я могу посмотреть?

– Открывай, смотри. Не пытайся украсть, – Свобода стал смотреть на торговца через прицел арбалета.

Покупатель заглянул в каждый ящик. Повертел в руках детали, внимательно разглядывал украшения (патроны).

– Это мусор. Три тысячи юаней, вот моя цена за всё.

Дед выстрелил, арбалетный болт пробил ящик с деталями.

– Я видел твои глаза, это дорогие вещи! Возьми горсть

украшений и брось их в огонь.

– Зачем? – оружейник забеспокоился.

– Брось, они покажут свою красоту только в огне.

– Нет.

– Ты знаешь, сучий сын, знаешь, что будет. Ты понимаешь суть этих вещей. Ну ка поверни морду, хочу выстрелить в твой брехливый рот!

– Ладно-ладно. Ты опытный торгаш, опусти оружие. Скажу честно. Десять тысяч юаней и тысячу рублей, всё, что у меня есть, дам за четвертую часть. Я поднимусь, займу денег и вернусь, чтобы купить остальное. Принесу ещё тридцать четыре тысячи юаней и ещё пять сотен!

– Будет так.

Оружейник положил деньги на пол и стал отставлять в сторону ящики, какие хотел забрать сейчас. Дед убрал арбалет, но Боромир держал торговца на прицеле. Щедро смазанный густым чёрным ядом наконечник болта смотрел в затылок оружейника. Свобода сел пересчитывать деньги.

– Так, я за деньгами, а вы эти ящики несите наверх, – велел оружейник своим помощникам, что с тупыми лицами слушали спор, похоже, даже не понимая насколько велика сделка. – Закончите, и ждите меня. Всё это надо будет поднять. Что, старик, всё верно, денег столько?

Свобода кивнул и стал пересчитывать оставленные ящики, ровно ли четверть?

Урумар считал, верна ли сумма тех денег, что оружейник обещал принести. Мы же просто радовались, ведь если мы столько получим и сложим с тем, что у нас есть, то сможем купить в землях Омэй-Гата всё крепкое зелье и всех лир, будем ездить на лучших жеребцах и владеть серебряными мечами.

– Замолчите! Урумар, всё правильно, я посчитал. А вы... не на то нужно тратить такие деньги! Эх вы, пьянь похабная. Не важно. Берите рюкзаки и быстро пошли наверх, оружие наготове. Гор, ты щит, у тебя хорошая броня, иди первый. Арья за тобой. Урумар, Ратибор следом. Боромир, мы с тобой с арбалетами. Тио... чёртово весло, иди позади нас.

– Почему уходим?! Ещё денег принесут, – Ратибор заскулил, как старый пёс.

– Не принесут. Быстро!

Мы поднимались в указанном дедом порядке. Света мы не несли и шли в полном мраке. Это коридор с лестницей, тут нельзя заблудиться. Я шёл, стараясь не шуметь кольчугой и мягко ступать, но не кольчуга или грубые сапоги выдавали меня – дыхание. Тяжёлые рюкзак и броня, подъём по ступеням, с каждым пролётом моё дыхание становилось тяжелее. Не только моё, я слышал дыхание товарищей за спиной, слышал скрип ремней рюкзаков, что вот-вот порвутся.

Вот он свет, не живой, не от огня. Двое обсуждали баб, что видели в Харче, говорили, кто из них сколько потратит

сегодня. Я убрал топор в петлю и достал из голенища нож, покачал щитом, так как рука затекла держать его.

– Кто там? Уберите оружие!

Оба противника взяли с пола секиры, я ожидал, что они достанут их из-за спины, это дольше.

Отбив атаку первого щитом, второго я ударил ножом, но не пробил броню.

Площадка была слишком тесной, наш отряд не мог биться весь, и в бой вступили только мы с Арьей. Наши спины мешали остальным. Но и враг не мог хорошо атаковать, длинные секиры задевали стены и друг друга.

Арья вытолкала одного в комнату с большими окнами (кабину крана).

Я крепко ударил щитом в грудь своего противника, так, что шипы на щите прокололи броню и впились в тело. Щит застрял, и я, выпустив его, несколько раз ударил ножом противника наугад. Болт, выпущенный «Бесом», пробил череп врага.

Арья выходила из комнаты, за её спиной враг поднимался в окно, оружия у него не было.

– Сдался, – Арья повесила топор в петлю на поясе.

– Арья, в тебе просыпается человеческая баба?! Может быть, теперь полюблю тебя, – смеялся Тио.

Арья молча вернулась в комнату. Ударом ноги она выбила из окна противника, что почти взобрался. Глухой удар о бетон, свет костра внизу вздрогнул.

– Люби.

– Волчица ты.

Мы торопливо шли переулками, после подземелья они казались нам светлыми и безопасными. Людей было очень мало, почти никого, какое время суток?

Проходя мимо Харча, мы заметили Тсяпу. Он, сильно пьяный, сидел у стены и хвалился какому-то больному оборванцу, как заманил нас в ловушку и что скоро у него будет много денег. Помочившись прямо под себя, он ругнулся и, залив в глотку полбутыли вина, продолжил похвально. Аркаша, слегка хмельной, сидел на перекладинах и крутил ногами, делал свет.

Злоба окутала всех нас, но дед велел оставить его и поторопиться.

– Хорошее время, никого нет. Харч закрыт и пуст, значит, скоро рассвет. Идём, – торопил дед.

– Нет, уродца я заберу с собой, – против слов деда выступила Арья. – Весь путь станем его пинать, а в Омэй-Гате продадим на балаган.

Она пошла к Тсяпе, подняла его рывком за волосы. Слушатель уродца в испуге уполз в узкий тёмный проход между Харчем и соседним домом.

– Мужебаба! Мужебаба... вырвались! – заверещал, как свинья, Тсяпа.

Аркаша слез с перекладины и попятился во тьму проул-

ка, примирительно выставляя руки перед собой. Арья взяла бутылку и залила оставшееся пойло в рот уродцу. Тот, едва не выдав пойло обратно, с улыбкой пробуровил: «Такие наказания мне по душе».

Мы вышли из крепости в синюю предрассветную мглу, не встретив никого. Арья тащила за волосы Тсяпу, который едва стоял на ногах и часто падал, но нас то не останавливало. Похоже, уродец плохо понимал, что происходит.

Мелкий тёплый дождь смывал обрывки снега с северных склонов холмов и балок. Мокрая прошлогодняя листва тонула в чавкающей под ногами земле.

Через некоторое время, укрытые низким серым небом и туманом, мы перешли по бревну бурную реку, уже свободную ото льда. Стали отдыхать на противоположном берегу.

– Что вы делаете?! – Возмутился дед, увидев, как Тио и Урумар копьём и веслом сталкивают в воду край бревна, что было переправой.

Бревно упало в поток, и тот поглотил его.

– Всё, нас не догонят! – радостно заявил Тио.

– Ты баран! Там Рот остался!

Плохо, даже я забыл о Роте. По взглядам я понял – остальные тоже.

Тсяпа продрал опухшие глаза, поправил стёкла на них... огляделся.

– С пробуждением, уродец, – наклонился к нему Ратибор.

– Помогите!... – Кусок мха, что Ратибор затолкал в его рот, прервал крик...

ГЛАВА 4

Еличи

За многие дни мы свершили много дел, не все из них достойны воина, но те монеты, что принесли они нам, помогали забыть эти дела. Деньги, что мы унесли с собой из земель древней крепости помогали нам всё это время не нуждаться ни в чём и помогли понять суть денег – их никогда не бывает много... я понял на что можно тратить деньги кроме еды, выпивки и лир, правда, понял поздно. После большого и долгого празднования в начале весны, когда мы насытились простыми радостями, в голову каждого из нас вошли новые мысли и желания, для которых были нужны по-настоящему большие деньги. Та пара тысяч медных, что всё ещё звенела в рюкзаке у каждого из нас после окончания долгих пиров уже совсем не казалась нам большими деньгами. Наш отряд на время разделился и у каждого были свои планы... Прошла весна и прошло лето, стало время жёлтых листьев.

Охотничья изба в лесу, примерно в полдня пути от Ом-эй-Гата, ставшая нам укрытием в последние дни, выглядела печально этим сырым хмурым утром. Жаркий костёр охватил брошенные ему чёрные одеяния и кожаную броню, стал дымить.

Тио стряхнул с молодой бороды и своих многих кос пепел.
– Может, надо было ещё одно дело взять?

Я и Боромир молча бросили в него взгляды укора, никто из нас троих ещё не забыл виселицу на площади Омэй-Гата, но только Тио помышлял свершить ещё дело. Ночной воздух и опасность окутывали его, манили. Мы с Боромиром не были рады таким занятиям, и теперь, сжигая наши ночные облачения, наконец, дышали легко.

– Сегодня день Омэй-Гата, – Боромир отошёл от дыма, но тот преследовал его. – Сегодня должны прийти сюда остальные. Я хочу побыстрее перейти через канал. Меня не радует и я не горд тем, что мы натворили за лето, но другим путём к цели не прийти быстро. В общем, быстрее бы за канал.

– Ратибор и Урумар могут и не прийти сегодня, – сомневался я. – В Омэй-Гате большой праздник. Вернувшись с родных земель, они пойдут в Дом удовольствий, Ратибор уж точно.

– Слово воина для них свято, как и для тебя, Чёрный медведь, они придут, – злясь на дым, Боромир ушёл к избе.

– Гор, ты думаешь про Олли, свою женщину? – спросил Тио.

– Я жду новостей о сыне, жду, что Ратибор и Урумар привезут мне эти вести, – я бросил в огонь охапку хвороста. – Пойду и одену новую броню, хочу, чтобы товарищи сразу увидели, для чего мы охотились всё это время.

– Я тоже.

С приходом полудня солнце обогрело жёлтый лес, и ветер прогнал туман. Мы, облачённые в новую броню, сидели у костра и готовили новое оружие к битвам. Броня у нас троих была одинаковой, заказной, сделана она лучшим кузнецом Омэй-Гата! Высокие сапоги с ножнами для ножа, уплотнением для защиты голени, железными носами и плотной подошвой, готовой к большому пути. Чёрные штаны из мягкой кожи с нашивками на коленях и бёдрах из толстой клёпаной кожи. На груди стальная кольчуга, а поверх неё чешуя из кожаных пластин. Живот защищал широкий пояс из прочной ткани с кожаными нашивками. Предплечья наши были закованы в сталь. Шлемы из тёмного металла были мягкими и тёплыми внутри, кольчуга спадала с них на шею. Рюкзаки были нам больше не нужны, их заменяли плащи, служащие и укрытием от дождя и ветра, и рюкзаком. Конечно, в петли и карманы плаща, что с внутренней его стороны, не положить второй брони и сапог, не повесить на него палатку. Зато теперь можно носить еду и снадобья для лечения с собой и не гнуть спину. Один рюкзак мы оставили для ношения в нём котелка, масляного фонаря и масла, ветоши для факела и ношения в нём трофеев. Этот рюкзак стоил как обычная лошадь без седла. Всё остальное, включая собственный спальный мешок, каждый нёс сам, для этой цели у каждого была специальная система из ремней, петель и колец, кото-

рую можно было быстро отстегнуть и сбросить в бою.

Оружие наше радовало глаз и душу. У всех троих в ножах за спиной было по одному длинному серебряному мечу – оружию для сражения с чудовищами и людоволками. Оружие из серебра в этих землях никто не ковал, оно не было нужно, но для нас лучший кузнец взялся за этот заказ. Второе оружие у всех было разным: у меня – небольшой стальной топор; у Тио – его весло и короткий меч на поясе, от весла он не стал отказываться, память; у Боромира остался всё тот же Бес и два колчана, один с болтами с железными наконечниками, второй – с серебряными, смазанными ядом. Боромир собирался купить оружие в крепости древних людей на пути к каналу. Ещё Боромир купил две толстые книги, одна называлась «Трактат о мистических явлениях и существах», вторая никак не называлась и её страницы были пусты.

Стук копыт прервал наш разговор. Нет, это не враг.

– Юри, – с улыбкой произнёс Тио и поднялся, снял шлем.

Стройная серая лошадка легко несла на себе наездницу, такую же стройную и невысокую. Юри – учёная женщина, что появилась в Омэй-Гате ранней весной, пришла из далёких земель. Черты её лица были совсем не наши, особенно узкие глаза и прямой блестящий волос тёмно-каштанового цвета, почти чёрного, спускающийся до плеч. Лицо её всё ещё не очистилось от палящего летнего солнца. Эта женщи-

на совсем не воин, она хорошо ведет разговор, умеет обмануть и, если нужно, без труда вытянет руку из сустава тому, кто попытается её обидеть. Оружия у неё не было, только кинжал на поясе и нечто странное, она звала это пистолетом. Её одежды без брони не скрывали женских форм, а меховой воротник делал лицо прекраснее. Эта кажущаяся беззащитность многим стоила здоровья...

– Свобода со мной не поехал, – она спешила, – он отдохнёт у монахов Ахмеда. Как вы тут?

Она приобняла Тио, по мужски, как мы старого друга при встрече, но приобняла только его.

Не успели мы ничего ответить, как Арья вышла к нам с другой стороны, неся тушку зайца. Царапины на её лице кровоточили.

– Вы бы ловушки чаще проверяли, – по доброму заговорила она, потрясая дичью.

– Да, засранцы, половина наша! – Уродец поднялся из балки, тяжело дыша.

К спине Тсяпы была привязана доска, что не давала ему нагнуться. К слову, уродец уже не был таким уродцем, просто низкий мужичок, совсем не воинского сложения, да и лицом не красавец, но уже не урод. Коротко стриженная борода и прямой мытый волос на голове, что был завязан в хвост и спускался ниже плеч. К тому же нормальные одежда и обувь вместо лохмотьев делали его похожим на обычного человека, только маленького.

– Плевок! Арья не продала тебя?! – смеялся Тио. – И где твои стёкла?

– Ты меня так не зови, жопа той лошади красивее твоей рожи, размалёванный ублюдок!

– Тсяпа... не ругайся, – Арья даже не ударила его, чем заставила нас замереть в непонимании. – Стёкла ему не нужны, кругом светло. Солнце и мясо каждый день сделали это с ним, не уродец теперь. Не продала я его, мы с ним без риска заработали много монет, всё лето жили в доме с нормальным очагом, кроватью, нам даже прислуживала старая женщина... хорошо в общем. Ходили по сёлам, там Тсяпа показывал свет, люди думали, что это магия.

– Эй! Лживая ты мужебаба, сними с меня доску, как обещала!

Мой культурный читатель, конечно, Тсяпа выражался более грубо, ибо рот его был вратами ада для интеллигентных ушей. Желая пощадить цензоров, я убираю некоторые выражения, чтобы люди, редактирующие мою книгу для Вас, читатель, не истёрли свои зубы в пыль от гнева.

Арья отвязала доску и Тсяпа сразу накинулся, стал с гневом бить о землю злосчастный кусок дерева. Плюясь и ругаясь, Тсяпа бил его ногами. Смех овладел нами троими, а воительница, кажется, привыкла к такому. Наконец Тсяпа бросил доску в огонь.

– Ладно, живи, червь, – Тио унялся от смеха и положил весло. – Зачем ты привязала доску, чтобы еду с земли не под-

бирал?

– Да. Ну и ещё, его горб стал меньше.

– Не относись ко мне, как к скотине. Она заставляла меня спать на полу у очага, а не клала в кровать с собой. Тсяпа не животное, мать вашу!

– Я бы тебя вообще в дом не пустил, – сказал я.

Разговор с Тсяпой занимал нас. Позже мы стали кидать в уродца камни, чтобы он ругался и в ярости придумывал способы нас убить.

– Не за ноги! Можете за руки, – Арья говорила с Юри, стоя у избы и без интереса поглядывала, чтобы мы случайно не покалечили её уродца.

Подвесив Тсяпу за руки на ветку, мы продолжили веселье. Веселились недолго, пришёл Ратибор, один, было грустным его лицо...

Молчаливое братское объятие сменилось немым вопросом. Всем нам было тревожно интересно – где Урумар?

– Наш товарищ, Урумар, остался в родных землях. Там сейчас всё меняется и воин решил остаться, чтобы помочь сохранять мир.

– Что там, на Прибойя нападают? – Тио интересовался без тревоги, а вот во мне это чувство проснулось.

– Нет, в Прибойя всё хорошо. Земли, что раньше мы звали тёмными, люди наших земель решили их освоить. Мужчины и женщины из разных деревень были выбраны советом, что-

бы уйти в новые земли и встать там деревней, и защищать границу.

– От кого? – спросила Арья, стоя у избы.

– От варваров. Они знают про нас. В деревне только сильные мужи и крепкие духом женщины. Это первая деревня в наших землях, которую оградили деревянной стеной. Урумар – вождь той деревни.

Арья ухмыльнулась и ушла в избу. Нет сомнений, она шла бы в первых рядах атаковать деревню дикарей.

– Расскажи о моём сыне, – попросил я.

– Твой сын баба, дочь у тебя. Я не шучу, дочь. Олли назвала её Дэя.

– Что за имя такое?! Как дочь?! Ты врёшь, пёс кабацкий. Смешно тебе?!

Я выхватил топор и сбросил плащ. Ратибор обнажил меч.

Удары Ратибора не были сильны, то ли он бился в шутку, то ли его правая рука совсем ослабла. Сбавив гнев, я оставил бой и убрал оружие.

– Прости, брат, с горечью вёз тебе эту новость.

– Не растить тебе воина, Дикий пёс, или кто ты там, Облезлый медведь? – Тсяпа зло смеялся, подвешенный на ветке. – Можешь вырастить какую-нибудь Эя, чтобы дикарь, вроде тебя, продал её варвару, вроде Мого.

Сжав кулак, я поспешил к нему. Арья с силой оттолкнула меня и сама ударила уродца, но не так сильно, как хотел я.

Тсяпа стал дёргаться, как рыба на крючке, и верещать ругательства.

– Что, девочка тебе не нужна, не человек?! – Накинулась Арья на меня. – Что за отношение?! Она не может быть воином, не может быть учёным?! Посмотри на меня, на Юри, может!

– Баба! Тут всё сложнее.

– Да, из Эйа что-то не вышло ни учёного, ни хорошего путника, – поддержал меня Ратибор, за что сразу поплатился.

– Вот вы свиньи неблагодарные! Кто в походе всю работу делал на пути в новые земли?! Ты, Гор, вообще продал её! Сложнее... да вы боитесь сложностей!..

Если баба разошлась, её лучше не трогать, поорёт и прекратит – так говорили деды наши. Под звенящую ругань Тсяпы и Арьи я и Боромир затоптали костёр с остатками не догоревшей кожи. Я накинул плащ, взял щит.

– Ночевать будем в Омэй-Гате, догоните нас, – сказал я Юри. – Рюкзак с собой возьмите, у вас же лошадь. С восходом встретимся у главных ворот снаружи.

– Мы встретимся раньше, ясное дело куда вы попрётесь, кобелины! – не унималась Арья. – Иди, конечно, говорить с женщиной – это низко для мужчины, так ударь, попробуй!..

Ругань лилась нам вослед. Мы вчетвером спешили уйти.

– В городе посетим лир? – спросил Боромир, будто не слыша Арью.

– Конечно, – кивнул Тио.

– Я потому и торопился, в родных землях женщины не те. Я прошёл мимо Омэй-Гата, они завлекают уже у ворот! Звук музыки и пьянки слышатся из-за стены. Гор, ты чего молчишь?

– Я сначала выпью.

Ночь в великом городе была шумной. Ратибор веселился без головы, но та грубо и не щадя напоминала о себе следующий день. Всю спокойную дорогу до переправы Арья не говорила со мной, мне от того не легче, ведь в её словах есть правда. Слова уродца тоже бегали в моей голове, шумели.

В условленном месте нас ожидал Свобода: натруженные руки с толстыми венами и почти дочерна загорелая шея говорили о тяжёлом лете, что провёл дед, но лицо его было улыбочивым и ясным. Свобода поднялся с пня, нахмурил густые брови.

– Не все...

Он почесал гладко выбритый подбородок, что сделал лицо моложе лет на десять.

– Всё хорошо, Урумар остался в родных землях. Он теперь вождь, – взялся я говорить. Крепко хлопнул деда по плечу, как положено в Прибойя, чем вернул на его лицо улыбку. – Мы выполнили свои дела и готовы к пути за канал.

– Хорошо. С позволения Ахмеда, я всё лето трудился с монахами. Я хотел не только дать деньги на строительство

моста, но и сам строить его. Мы закончили строить мост. Теперь на землю крепости древних людей можно ступать, не дожидаясь льда. Теперь многое изменится. Три дня назад через мост прошли несколько учёных мужей Омэй-Гата. Это не главное, главное – торговля. Деньги, потраченные на мост, размножатся и вернуться ко мне, но их будет больше чем я дал. Ещё, Рот не пошёл с вами?

– Рот сказал, что станет ждать всех нас там, где мост.

– Всё же решил идти... хорошо. До заката успеем, пойдём.

Гор, надеюсь, ты не потерял то, что пропустит нас.

– Это со мной.

Свернув с большака, что проездили этим летом телеги с товарами и материалами для строительства, мы углубились в лес. Ещё весной тут не было даже тропы, теперь же речной камень устилал неширокую дорогу, а через ручьи лежали мостки из распиленных вдоль брёвен.

– Вот, это делали мы. Две телеги тут не разъедутся, но ничего, позже путь расширят, – Свобода был явно доволен, ведь он участвовал в создании чего-то, что изменит многое.

Краснеющее солнце освещало жёлто-зелёную шапку леса. Цокот копыт лошади Юри убегал в лес, что поредел за лето, пока строили мост. Шум реки близко, с каждым шагом всё больше тянет водой.

Примерно в сотне шагов от реки, монахи, человек двадцать, отдыхали у стен недостроенного бревенчатого дома.

Кроме дома, были вкопаны столбы и под другие постройки.

– Тут будет конюшня, ночлежка и харчевня для путников, – объяснил дед. – Надо бы и в родных землях так сделать. Думаю, путешественников теперь будет больше.

– Как бы всё это не привело к войне, – слова Юри были мрачными. – Открыт путь к новым землям. Люди диких земель плохо вооружены, так что им не надо бы зазывать гостей, пока.

– Наверное, поэтому Урумар и остался, – согласился Ратибор.

– Сейчас открыт путь до крепости, и дикие земли никому не интересны, – успокоил дед. – Вот, пришли.

Деревянный мост, чьи доски были ещё светлыми и пахли масляной пропиткой, твёрдо лежал под ногами и не скрипел от шагов. Такой мост мог выдержать коня и телегу, нагруженную камнями.

Вдруг рассказ деда стих в моих ушах, остался только шум быстрой реки. На противоположном берегу, в стороне от дороги, в тени чащи, стоял Рот. На голове его крепко сидела маска, та, что он нашёл в брошенном доме. Хоть я вижу её уже не первый раз, её взор не перестал пугать меня. Одеяния Рота были тихими, ни звона кольчуги при ходьбе, ни бряцания пряжек, не стука железа. Всё те же тёмные одежды, что я, Тио и Боромир носили летними ночами, выходя на «охоту», Рот не сменил их, лишь накинул сверху плащ из волчьей

шкуры да охотничью сумку повесил на плечо.

Он снял маску и поднял руку в приветственном жесте, но его бледное сухое лицо не выражало радости встречи, оно не выражало ничего.

– Приветствую, братство.

– Не зови нас так, – потребовал я.

– Но вы получили, что хотели. Зачем ты злишься?

– Не будем говорить об этом.

– Я не знаю точно, о чём вы говорите, но догадываюсь, – дед говорил негромко. – Повешенные на площади, воры, что прокрались в Дом древности... мы не будем об этом говорить. Идём быстрее, до заката придём к старухе Нэа, эту дорогу мы проложили в её деревню.

Я пригрозил Роту, чтобы он не заводил больше этот разговор. Рот надел свою маску и пошёл позади всех.

На земле древней крепости мы были недолго. Переночевав у Нэа, мы посетили оружейную лавку в крепости. К тому времени нас никто не искал, но мы были осторожны и, купив желаемое, поспешили уйти. Зачем нам нужно было в оружейную лавку крепости? Туда нужно было Боромиру. Он стрелок, и оружие ему нужно стрелковое, но найти что-то сильнее его «Беса» в Омэй-Гате сложно. В крепости Боромир нашел что искал – короткий мушкет, так назвал это торговец. Был ещё длинный мушкет со штыком, но Боромир выбрал короткий, чтобы носить его на поясе. Это оружие не для

точной стрельбы, для этого был «Бес», это оружие для убийства крупных тварей на коротком расстоянии. Убойное расстояние было небольшим, но свинцовые шарики, выпущенные мушкетом, разбивали деревянный щит в щепки и летели дальше, а вспышка и гром напугают любого. Жаль только, заряжать его дольше, чем арбалет, к которому Боромир уже привык и справлялся быстро.

К полудню следующего дня наш отряд добрался до канала, до моста, идущего через него.

Прохладный пасмурный день и незнакомое место несли в себе напряжение. Мы видели впереди бетонный мост и людей на нём, они видели нас. Больше тревоги в себе несли не люди, воины по виду, а то, что стояло на том конце моста – похожее на огромное насекомое, но не тощую тварь с суставчатыми длинными лапами, а на жука, влачащего на себе тяжёлый панцирь. Машина стояла боком к пути, но ствол на её крыше смотрел в наши лица. Мы уже слышаны, знаем, что та труба не для того, чтобы в неё смотреть...

Стражи моста, трое молодых мужей, были одеты легко для воинов, не было тяжёлой брони. Одежды их были бурого цвета и звались шинелью. Два коричневых кожаных ремня спускались с плеч к широкому ремню с пряжкой на поясе. На пояском ремне слева были ножны с клинком (сабля), справа – ножны (кобура) с пистолетом, почти как у Юри. На головах их не было шлемов, только странные шляпы (фу-

ражки): верх белый, красная середина с трёхконечной белой звездой и чёрной буквой «А» на ней, чёрный блестящий низ – очень напоминает флаг древних людей в Доме древности в Омэй-Гате.

Их шаги в чёрных блестящих сапогах остановились на середине моста. Мы встали у своего края, не ступая на мост.

– Дорога закрыта по распоряжению военного совета Альянса по Керьевскому округу, – так поприветствовали нас. Говорил самый высокий.

– Приветствую вас, воины. Мы хотим попасть в земли за каналом, – вяло текущая серая вода под мостом не мешала говорить, и деду не пришлось кричать. – Летающий механизм дал нам вещь и сказал, что за неё нас пропустят в иной мир. Гор, покажи.

Люди улыбались, смотрели на нас, как на глупцов. Нас жёг этот взор, Ратибор даже отступил в сторону, будто он не с нами. Я показал зелёную пластину, ту, что мне была дана летающим механизмом в Прибойя. Трое прищурились, пытаюсь разглядеть.

– Подойди, один, – попросил тот, что говорил ранее, похоже, он у них переговорщик.

Я приблизился к ним и вложил пластину в протянутую ладонь.

– Мой отряд пройдёт со мной.

– Вы, уважаемый, пока и один-то никуда не проходите. Говорите, с неба прилетело и сказала, что с этим вас пропу-

стоят.

Я кивнул. Солдаты рассматривали данное мною, переговаривались негромко. Похоже, они кого-то ждали, и, похоже, это мы.

– Ожидайте, мы проверим.

Они ушли. Я вернулся к отряду.

Долго шло время, на посту никого, только военная машина стоит на том конце, зыркает и пройти не даёт своим видом. Мы пытались высмотреть что-нибудь на той стороне моста – поляна с дорогой да пара деревянных домов, вот и всё.

Наконец один вернулся, он остановился у машины.

– Проходите, – махнул он рукой.

– Кажется, мы ступаем на землю богов, – Свобода расплылся в улыбке, его глаза заслезились от радости.

– Возвращаю, – пластина была возвращена мне, когда мы перешли мост. – Сейчас пройдем процедуру идентификации, и можете идти.

Мы проследовали за солдатом, разглядывая лагерь. Ничего поразительного или привлекающего интерес, кроме боевой машины, не было – два длинных деревянных дома, напоминающих сарай, сторожевая вышка да отхожее место, вот и всё поселение.

– Так, давайте с вас и начнём, – заговорил со мной солдат, когда мы пришли под навес одного из двух домов. – Шлем

снимите и смотрите в камеру.

Мы все сняли шлемы и шапки, кроме Рота. На почерневшей от времени деревянной стене был механизм из грубого тёмного металла и нескольких стеклянных окошек, за которыми ничего не было видно. Мы все столпились у этого.

– По одному!

– Ты же сказал «вы».

– Ну! Так, ты встань тут и смотри сюда.

Я смотрел в стеклянный глаз машины, который вдруг засиял белым светом.

– Безликий гражданин. Паспорт не обнаружен, – женский голос раздался неожиданно, немало напугав нас. – Возможная причастность к преступлениям, не выявлено.

– Напечатай и выдай временный паспорт, – потребовал солдат у машины, хотя я подумал, что это он мне.

Изо рта машины выползла раскрытая книжонка из бумаги. На её странице были цифры вперемешку с буквами, полосы и рисунок моего лица (чёрно-белая фотография)!

– Гражданин занесён в базу данных. Срок действия паспорта три месяца.

– Потом поменяешь на постоянный. Следующий.

Остальные по одному подходили, свет озарял их лица, и машина говорила одно и то же. Подошла очередь Рота...

– Сними маску, – попросили его. К тому времени вокруг нас стояли пятеро бойцов.

Ничего, тишина, только Рот пытается прожечь попросив-

шего взглядом. Неожиданно солдат с испугом и злостью ударил Рота в грудь. Мы выхватили оружие, но солдаты отбежали в стороны. К ним на помощь прибежали ещё с десятков бойцов.

Я был готов биться, но чувство тревоги пронзило меня. Какой-то едва слышимый гул завис в ушах. Нечто окутывало меня, похоже, не только меня. Тревога, а затем и непреодолимая паника овладели отрядом. Ком тошноты подкатил к горлу, голова будто собиралась лопнуть, и, кажется, уже начала – полоска крови вышла из правого уха Юри, она упала на колени, закрыла уши. Хуже всего было Роту, тот катался по земле, словно укусившая сама себя змея.

– Снимай маску, сдохнешь сейчас! – Требовали солдаты. Дед велел Роту снять проклятую маску. Скорее, не по приказу деда, а по своему решению, Рот сбросил маску, и гул сразу стих. Лицо Рота было красным и мокрым, кровь текла из ушей. Его вырвало. Всех нас охватила неудержимая дрожь, хоть страх и паника уходили.

– Ты, с этой маской дикарей пугать будешь, тут это не прокатит. Свой шёпот, вопли, весь этот телекинез оставь за мостом. Вон бочка, умойся и бегом фотографироваться, красную пометку в паспорте ты уже заслужил.

Мы, как перепуганные щенки, стояли в стороне, пока Рот получал бумагу. Все мы ещё чувствовали дрожь, да и съеденное утром едва держали в теле, оно желало уйти обратно.

Теперь ясно, почему у этих воинов нет брони. Я пригляделся и заметил: они выглядят бодро и здорово, на ушах нет крови, они ничего не слышали, и вот почему – в их уши вставлено нечто чёрное и маленькое, наверное, оно их и спасло.

Рот вернулся в сопровождении одного из солдат.

– Могучий воин, скажи нам, где можно переночевать, деревня, может, – слова деда смутили молодого воина, он даже покраснел.

– По дороге пару километров пройдёте, – он указал вдоль ровной каменной (асфальтированной) дороги, – справа будет колея уходить в лес, идите по ней. Она приведёт в Еличи, брошенная деревенька. Переночевать в ней можно, но лучше не задерживайтесь. Ночью обязательно караульного выставляйте, стены у деревни нет, а ночи в местных лесах – время опасное, даже мы посрать на ведро в бараке ходим. Караулим через окна. Ещё, из колодца в той деревне не пейте, вообще не подходите к нему. Так, и ещё, за своим любителем масок приглядывайте, какой-то он у вас не такой, принесёт вам проблем. Сами ведите себя цивилизованнее, это вам не Омэй-Гат, не крепость и не... откуда там вас принесло. Налево и направо людей не убивать, драк не затевать, баб силой не брать. Я предупредил. Можете идти. Да и ещё, через мост ваш отряд может ходить в любое время, но только вы, никого больше мы не пропустим. Вроде всё сказал. Удачного путешествия.

Он ушёл. Мы тоже побрели по непривычно ровной и глад-

кой дороге, какую видели только внутри крепости, перебаривали всё, что нам было сказано. Остались только вопросы: что в колодце, и сколько это – пара километров?..

– Эти полосы на пути, наверное, должны указать нам длину пути до поворота, но я никак не могу понять, сколько нужно отсчитать? – Свобода по привычке в размышлении чесал подбородок, там, где раньше была борода.

Мы шли не быстро, даже медленнее обычного, хотя по этой гладкой и лёгкой дороге хотелось бежать, так свободно было ногам – не обо что споткнуться. По обе стороны поднимался лес, он был разный, в основном деревья с белыми стволами – берёзы. Листья жёлтые, да и трава того же цвета, всё это делало серый день светлее.

Снова это чувство: новая земля, по слухам опасная и таинственная, но ничего не происходит – ветер в кронах шумит, да птицы щебечут, покой. Это чувство начинает приедаться, хоть и держит в напряжённом ожидании громкого гудка или вражеского воина. На новой земле любой воин – вражеский.

– Эти полосы не укажут расстояние, – слова Юри были уверенными. Лошадь, цокающая копытами за ней, фыркнула, будто согласилась. – Вон, они слились в одну полосу.

Дорога плавно заворачивала влево, и полосы по её центру слились в одну не разорванную полосу.

– А вот и колея. Тоже мне, учёная! Баба ты, и всё!

За эти слова Тсяпа получил гибкой хворостины, которой Юри обычно подгоняла лошадь, когда та останавливалась на пути, чтобы перехватить травы. Глубоко в душе я понимал гнев Юри и Арьи, был согласен с ними, но вставать на их сторону было рано, как я думал. А Тсяпа – хитрый пёс: хоть обидел Юри и Арью, зато угодил этими словами нам. Сегодня он не будет висеть на ветке для нашей забавы, наверное.

Колея была старой, местами упавшие листья совсем скрывали её от глаз. Тут не ходили большие машины, только телеги. Мы шли дольше, чем по гладкой дороге. Солнце выглянуло из-за туч. Вечерело. По пути мы собрали мелкий хворост и несколько крупных веток для костра.

Вот она – деревня Еличи. Маленькое брошенное поселение, окружённое пихтами, соснами и елями. Всего четыре избы из почерневших от времени брёвен да постройки и загоны для скота. Мастерская с горном, верстаком и наковальной, но инструментов и материалов в ней нет. Арья, Юри и Тсяпа занялись разведением костра, ведь солнце уже село. Мы же осматривали дома и постройки. Ничего. Всё, что мы нашли, – это сломанная лопата и пара книг, испорченных сыростью, в костёр их.

– Люди ушли отсюда не в страхе, – рассуждал дед. – Они не бежали, собрали вещи и уехали.

Тишина вокруг ждала, пока его мысль развернётся подобно свитку.

– Не разграблено... не набег... кто их прогнал?

– Или что их прогнало, – Юри подошла к нам, но глаза её были обращены к колодцу в центре поселения, к которому мы не подходили. – Солдаты говорили о колодце, думаю, беда в нём.

Высокий каменный колодец был накрыт треугольной черепичной крышей с деревянной дверцей. Он молчаливо стоял, ждал.

– Тсяпа, иди и посмотри, – велел я.

– Э... не, вдруг там дьявол, и он меня утащит, – Тсяпа посмеялся, он не думал всерьёз, что там дьявол.

– На кой хрен ты ему? Чертей в аду хватает, – Тио подтолкнул уродца веслом.

– Вы, черномазые варвары, интересно, вот и вперёд, – за смуглый цвет кожи нас с Тио Тсяпа звал черномазыми, ему это прощалось, но назови меня так Ратибор, и без драки не обошлось бы.

– Тсяпа, твой час пришёл, – Арья обвязала уродца верёвкой. – Докажи, что ты мужик.

Тсяпа молча смотрел на хозяйку, но в молчании его было столько ругани, что, кажется, он сам боялся произнести, чтобы уши не сгорели. Казалось бы, сказано не ходить и не трогать колодец, так и не нужно! Переночевали бы и ушли, но было интересно, к тому же Тсяпу было не жалко скормить дьяволу.

– Хорошо. Я зарезервирую тебе место в аду, – Иногда мы

не понимали его речь.

Тсяпа пошёл к колодцу без видимого страха. Свобода и Боромир взяли дверцу колодца в прицел арбалетов. Юри тоже прицелилась своим странным оружием. В тишине хорошо было слышно, как скрипнули старые петли. Мы замерли, казалось чёрное нутро колодца окутает уродца и утащит.

Тсяпа приподнялся, пытаясь заглянуть вниз, но колодец был высоковат для него.

– Не вижу. На дне что-то шипит или вода струится из родника. Не пойму. Нужно подсветить огнём, но я не дотянусь посмотреть, – Тсяпа отвязал от себя верёвку и пошёл обратно.

– Ты не отвязывай, – остановил дед. – Может, спустим его на верёвке вниз, пусть смотрит. Он самый лёгкий.

– Может, туда вообще не лезть, солдаты же предупредили.

– Там просто нет воды, похоже, это родник там звук даёт, но вода высыхает и не успевает накопиться. Или просто илом забился, – слова Тсяпы звучали умно. – Тио, ты длинный, брось туда горящую палку и убедись, что колодец пуст. Поэтому люди и ушли, что воды нет. Кстати, кто до реки пойдёт?

– Ладно, посмотрю, – Тио согласился заглянуть.

Он взял из костра жарко горящую головню. Уродец отошёл за угол избы, якобы отлить. Тио храбро шагал к распахнутой дверце колодца. Подошёл. Я глянул в сторону Тсяпы, тот с любопытством выглядывал из-за угла. Странно, он никогда не отходил и в этом деле никого не стеснялся, наобо-

рот, всех смущал, чего в этот раз он отошёл?..

На морде уродца засияла злая улыбка, я собирался крикнуть Тио, чтобы тот отошёл, но не успел. Головня была брошена в темноту...

Оглушительный хлопок – и невидимая сила прошла сквозь наши тела. Столб огня разбил крышу колодца и разметал по всему поселению. Столб собрался в шар из дыма высоко над землёй.

Все бросились в укрытие, все, кроме меня и Юри, мы поспешили к Тио, лежащему на земле. Он был жив, только лицо побито осколками и волосы опалены. В ушах звенит, похоже, не только у меня.

– Тио, смотри на меня! – Кричала Юри. – Видишь меня?

Тот кивал и стал подниматься.

– Двумя глазами видишь?

Кровь с его лба заливала ему глаза. Тио вытер её.

– Двумя вижу. Всё нормально, – губы и пальцы Тио тряслись от испуга.

Юри обняла его. Я крепко хлопнул Тио по плечу и поднялся.

Каменная часть колодца осталась, из недр вырывался жёлтый огонь, он не делал дыма. Огонь горел спокойно и тепло, почти не издавал звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.